

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 1 (142)
январь 2017 года

В номере:

СУДЕБНАЯ И АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

- 2 Обзор Практики Конституционного суда Российской Федерации за четвертый квартал 2016 года (утв. 17.01.2017)
- 7 Обзор Практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом ВС РФ 18.01.2017)
- 20 Обзор Судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении положений Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом АС Северо-Кавказского округа 13.12.2016)
- 23 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 декабря 2016 г. по делу N А52-510/2016
- 26 Постановление ЕСПЧ от 20.09.2016 «Дело «Карелин (Karelin) против Российской Федерации» (жалоба N 926/08)

ДОКУМЕНТЫ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

- 39 Постановление по вопросам освобождения адвокатов от обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты (в редакции решения Конференции АП КК от 27.01.2017)
- 40 Решение об определении размера обязательных ежемесячных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты (в редакции решения Конференции АП КК от 27.01.2017)

Над выпуском работали:

Президент Адвокатской палаты Красноярского края **И.И. Кривоколеско**

Секретарь Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Красноярского края **И.А. Оберман**

Подготовлено с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Адрес редакции: 660135, г. Красноярск, ул. Взлетная, 5г.

Тел./факс: +7 (391) 277-74-54. Тел.: +7 (391) 277-74-52. E-mail: advokat_palata@mail.ru

Конституционным Судом РФ утвержден обзор наиболее важных решений, принятых им в четвертом квартале 2016 года.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕШЕНИЕ
от 17 января 2017 года

ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ОБЗОРА
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗА ЧЕТВЕРТЫЙ КВАРТАЛ 2016 ГОДА

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав информацию Председателя Конституционного Суда Российской Федерации о подготовленном Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации Обзоре практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2016 года,

решил:

1. Утвердить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2016 года.

2. Разместить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2016 года на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации.

3. Опубликовать Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2016 года в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН

ОБЗОР
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗА ЧЕТВЕРТЫЙ КВАРТАЛ 2016 ГОДА

Настоящий обзор посвящен наиболее важным решениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее - Конституционный Суд) в четвертом квартале 2016 года (постановления, определения по жалобам и запросам).

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 4 октября 2016 года № 18-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 1 статьи 4 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения как служащие нормативным основанием для решения вопроса о признании гражданина Украины, не имеющего на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов (т.е. по состоянию на 18 марта 2014 года) регистрации по месту жительства на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, гражданином Российской Федерации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения соответствующими Конституции Российской Федерации, указав, что в целях решения вопроса о признании названной категории граждан Украины гражданами Российской Федерации:

под постоянным проживанием гражданина Украины на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя по состоянию на 18 марта 2014 года понимается его фактическое постоянное проживание на данной территории на указанную дату;

установление данного факта постоянного проживания осуществляется на основе совокупности доказательств, лежащих в области жилищных, трудовых, межличностных и иных отношений и свидетельствующих о том, что на указанную дату лицо выбрало территорию, на которой фактически постоянно проживает, как место своих приоритетных каждодневных жизненных интересов и своими действиями установило или выразило явное стремление к установлению с ней реальной связи;

вступившее в законную силу решение суда об установлении указанного факта постоянного проживания является достаточным и безусловным основанием для признания его уполномоченным органом в установленном порядке гражданином Российской Федерации.

2. Постановлением от 20 октября 2016 года № 20-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Оспариваемые положения являлись предметом рассмотрения в той части, в какой на их основании принимается решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в связи с наличием у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих.

Конституционный Суд признал спорное регулирование соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно направлено на защиту здоровья как конституционно значимой ценности и в этих целях предусматривает возможность принятия в отношении указанного лица решения о нежелательности его пребывания (проживания) в Российской Федерации в случае отказа либо уклонения от лечения, а также нарушения им установленного порядка лечения, влекущих возникновение реальной угрозы для здоровья населения.

Вместе с тем оспоренные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они создают непреодолимые препятствия для въезда указанного лица в Российскую Федерацию - вне зависимости от факта его последующего документально подтвержденного излечения от данного инфекционного заболевания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений суд вправе отменить решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, принятое в связи с выявлением у него инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих, в случае документального подтверждения факта его излечения от данного заболевания и медицинского освидетельствования в Российской Федерации, для прохождения которого такому лицу должна быть предоставлена возможность въехать на территорию Российской Федерации.

3. Постановлением от 25 октября 2016 года N 21-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку ими определяются - в рамках реализации Алтайским краем полномочий по установлению порядка и нормативов заготовки гражданами древесины для собственных нужд на территории Алтайского края - основания для постановки граждан на учет как испытывающих потребность в древесине для индивидуального жилищного строительства.

Оспоренные положения признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они исходят из приоритетности удовлетворения потребности в древесине граждан, проживающих на территории Алтайского края, для целей осуществления ими права на жилище.

Вместе с тем Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют признать испытывающими потребность в древесине для индивидуального жилищного стро-

ительства проживающих на территории Алтайского края граждан, которые не относятся к принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в соответствии с жилищным законодательством или к снятым с такого учета ввиду использования указанных в оспоренной норме форм удовлетворения потребности в жилье, не связанных с предоставлением жилого помещения, и тем самым лишают таких граждан права на заготовку древесины для собственных нужд по ставкам, утвержденным нормативным правовым актом Администрации Алтайского края.

4. Постановлением от 17 ноября 2016 года N 25-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренная норма являлась предметом рассмотрения постольку, поскольку на ее основании разрешается вопрос о сроке административного задержания лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, в случае если это лицо в момент административного задержания находится в состоянии опьянения.

Оспоренное положение, согласно которому срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется со времени его вытрезвления, признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно допускает ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов.

5. Постановлением от 29 ноября 2016 года N 26-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос об обращении в доход Российской Федерации принадлежащих лицу, замещающему должность государственной (муниципальной) службы, его супруге (супругу) и несовершеннолетним детям земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых данным лицом не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

Оспоренные положения были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они:

предполагают необходимость учета при определении оснований применения данной меры государственного принуждения всего объема законных доходов, которые были получены указанными лицами и могли быть использованы для приобретения соответствующего имущества, в том числе законных доходов, не отраженных в представленных государственным (муниципальным) служащим сведениях о доходах, и позволяют указанным лицам представ-

лять доказательства законности происхождения своих доходов;

не препятствуют суду принимать любые допустимые Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации доказательства, представленные как государственным (муниципальным) служащим, так и его супругой (супругом) и - с особенностями, установленными данным Кодексом, - несовершеннолетними детьми в подтверждение законного происхождения средств, позволивших приобрести соответствующее имущество, которые подлежат оценке судом по его внутреннему убеждению с учетом правовых позиций, выраженных в данном Постановлении;

не препятствуют суду при выявлении незначительного расхождения размера доходов, законность происхождения которых подтверждена, и размера расходов на приобретение соответствующего имущества с учетом фактических обстоятельств конкретного дела определить ту его часть, которая приобретена на доходы, законность происхождения которых не доказана, и потому подлежит обращению в доход Российской Федерации (либо денежные средства, полученные от реализации такого имущества), а также определить порядок исполнения своего решения с учетом особенностей этого имущества.

6. Постановлением от 30 ноября 2016 года N 27-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части 8 статьи 14 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 227 Налогового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о размере дохода, учитываемого для определения размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, подлежащих уплате индивидуальным предпринимателем, уплачивающим налог на доходы физических лиц и не производящим выплаты и иные вознаграждения физическим лицам.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают, что для указанной цели доход такого индивидуального предпринимателя подлежит уменьшению на величину фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов, непосредственно связанных с извлечением дохода, в соответствии с установленными Налоговым кодексом Российской Федерации правилами учета таких расходов для целей исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц.

7. Определением от 11 октября 2016 года N 2152-О Конституционный Суд выявил смысл положений Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и Закона города Москвы «О торговом сборе».

Оспоренными нормами в действующее регулирование включаются положения о торговом сборе как местном налоге.

Конституционный Суд отметил, что установленный правовой механизм позволяет плательщикам

торгового сбора вычесть суммы уплаченного торгового сбора из суммы иных подлежащих уплате с дохода (прибыли) налогов и, соответственно, в случае, если сбор превысит или будет равен размеру подлежащих уплате налогов, у них не возникнет обязанность по уплате таких налогов. Кроме того, они могут на законных основаниях избежать необходимости уплаты торгового сбора, перейдя на патентную систему налогообложения.

Следовательно, оспоренное правовое регулирование не позволяет прийти к выводу о том, что введение законодателем торгового сбора влечет за собой несоразмерность обременения в сфере налогообложения либо иным образом препятствует реализации гражданами их конституционных прав по осуществлению предпринимательской деятельности.

8. Определением от 10 ноября 2016 года N 2363-О-Р Конституционный Суд подтвердил порядок исполнения Постановления от 25 июня 2015 года N 17-П до внесения в законодательство об охоте и сохранении охотничьих ресурсов соответствующих изменений.

Конституционный Суд указал, что право на занятие охотхозяйственной деятельностью, возникшее у российских юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в силу долгосрочных лицензий на пользование животным миром в отношении охотничьих ресурсов, подлежит прекращению после истечения сроков охотхозяйственных соглашений, заключенных на основании таких лицензий, за исключением случаев, когда до вступления в силу указанного Постановления ими в соответствии с частью 3 статьи 71 Федерального закона от 24 июля 2009 года N 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были заключены новые охотхозяйственные соглашения или в установленном порядке инициировано заключение таких соглашений без проведения аукциона.

9. Определением от 10 ноября 2016 года N 2561-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 4.1 статьи 161 Налогового кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям (в редакции Федерального закона от 19 июля 2011 года N 245-ФЗ) при реализации на территории Российской Федерации имущества и (или) имущественных прав должников, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации банкротами, налоговая база определяется как сумма дохода от реализации этого имущества с учетом налога. При этом налоговая база определяется налоговым агентом отдельно по каждой операции по реализации указанного имущества. В этом случае налоговыми агентами признаются покупатели указанного имущества и (или) имущественных прав, за исключением физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Указанные лица обязаны исчислить расчетным методом, удерживать из выплачиваемых доходов и уплатить в бюджет соответствующую сумму налога.

Конституционный Суд отметил, что оставление залогодержателем за собой не реализованного путем продажи с публичных торгов предмета залога в пога-

шение требований по обеспеченному залогом обязательству применительно к рассматриваемому периоду относилось к операциям реализации для целей исчисления налога на добавленную стоимость, в которых передающая сторона должна была исчислить этот налог, а получающая - имела право заявить исчисленную сумму налога к вычету. Допустимость такого истолкования спорного регулирования Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации подтверждается и принятием впоследствии Федерального закона от 24 ноября 2014 года № 366-ФЗ, которое повлекло отмену оспоренной нормы и исключение из перечня операций, признаваемых объектом обложения налогом на добавленную стоимость, операций по реализации имущества должников, признанных банкротами.

II

Конституционные основы трудового законодательства и социальной защиты

10. Постановлением от 11 октября 2016 года № 19-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 статьи 33 и пункта 1 статьи 34 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения как служащие основанием для решения вопроса о размере пособия по безработице гражданам, трудовой договор с которыми был расторгнут в связи с призывом на военную службу, обратившимся в органы государственной службы занятости населения после увольнения с военной службы по призыву в связи с истечением ее срока (т.е. более чем через 12 месяцев с момента увольнения с работы), притом что до призыва на военную службу такие граждане имели оплачиваемую работу не менее 26 недель на условиях полного рабочего дня (полной рабочей недели) или на условиях неполного рабочего дня (неполной рабочей недели) с пересчетом на 26 недель с полным рабочим днем (полной рабочей неделей).

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой позволяют засчитывать срок военной службы по призыву в период перерыва в трудовой деятельности в целях определения размера пособия по безработице указанной категории граждан.

III

Конституционные основы частного права

11. Постановлением от 10 ноября 2016 года № 23-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании судом разрешается вопрос о защите прав собственников индивидуальных жилых домов на относящиеся к недвижимому имуществу объекты инфраструктуры, обслуживающей эти домовладения.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не предполагают, что реги-

страция права собственности товарищества собственников жилья на объекты обслуживающей индивидуальной жилые дома инфраструктуры препятствует использованию собственниками таких домов, расположенных в границах управляемой товариществом территории, судебной защиты своих гражданских прав.

12. Постановлением от 13 декабря 2016 года № 28-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку ими определяются полномочия суда при применении мер ответственности за нарушение индивидуальным предпринимателем исключительных прав на произведение или на объект смежных прав, а также на товарный знак в случае, если обладатель нарушенных интеллектуальных прав в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 данного Кодекса использует в качестве способа защиты право требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или приравненное к нему средство индивидуализации.

Оспоренные положения были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, как предусматривающие в качестве специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предоставление правообладателю возможности требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты соответствующей компенсации в случае нарушения прав на несколько принадлежащих ему результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации в результате совершения индивидуальным предпринимателем одного противоправного действия.

Конституционный Суд при этом признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не позволяют суду в случае такого нарушения прав правообладателя определить общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными законоположениями, если размер компенсации, исчисленной по установленным данными законоположениями правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (притом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком) и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений суды при рассмотрении исковых требова-

ний, заявленных в порядке оспоренных нормативных положений, применяют их, руководствуясь настоящим Постановлением.

13. Определением от 10 ноября 2016 года N 2371-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 5 статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Оспоренное положение, согласно которому решением суда о ликвидации юридического лица на его учредителей (участников) или на орган, уполномоченный на ликвидацию юридического лица его учредительным документом, могут быть возложены обязанности по осуществлению ликвидации юридического лица, заявители оспаривали в той мере, в какой оно допускает возможность возложить обязанности по осуществлению ликвидации кредитного потребительского кооператива на его учредителей, которые вышли из кооператива.

Конституционный Суд указал, что суд, рассматривающий дело о ликвидации кредитного кооператива, вправе, не ограничиваясь содержащимися в Едином государственном реестре юридических лиц сведениями, всесторонне и наиболее полным образом с учетом фактических обстоятельств конкретного дела исследовать все доказательства, могущие служить подтверждением совершенного в предусмотренном законом порядке выхода члена кредитного кооператива из объединения, в результате которого вышедший участник, в том числе выступавший его учредителем, разрывает корпоративную связь с юридическим лицом и не может обременяться несением дополнительных обязанностей, связанных с его дальнейшей деятельностью, в частности обязанностей по осуществлению ликвидации организации и возмещению соответствующих расходов.

Конституционный Суд сделал вывод о том, что оспариваемое положение, будучи общей нормой, применимой как к унитарным, так и к корпоративным юридическим лицам и, соответственно, - к учредителям унитарных и участникам (членам) корпоративных организаций, не предполагает возложения обязанности по осуществлению ликвидации корпоративного юридического лица на его учредителей, которые не являются его членами, и не препятствует осуществлению права на выход из кооператива.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

14. Постановлением от 8 ноября 2016 года N 22-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений абзаца третьего статьи 5 и пункта 5 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку служат основанием для решения вопроса о привлечении к полной материальной ответственности военнослужащего в связи с наличием в инкриминируемом ему деянии признаков состава преступления, если уголовное дело в отношении него было прекращено органом предварительного расследования вследствие истечения сроков давности уголовного преследования.

Конституционный Суд признал оспоренные положения соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они предполагают привлечение военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный им имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за воинскими частями, в случае совершения преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, что установлено вступившим в законную силу приговором суда, и не препятствуют при отсутствии такого приговора принятию в пределах срока, определенного пунктом 4 статьи 3 данного Федерального закона, решения о взыскании с военнослужащего причиненного им ущерба в ограниченном либо - при наличии иных перечисленных в его статье 5 оснований - в полном размере при условии установления в надлежащей процедуре юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для привлечения этого лица к соответствующему виду материальной ответственности.

В то же время оспоренные нормативные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, как допускающие возможность привлечения такого военнослужащего к полной материальной ответственности за ущерб, причиненный указанному имуществу, вследствие установления в его действиях (бездействии) признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации (и тем самым - фактического признания его виновным в совершении преступления), иным, отличным от вынесенного в процедуре уголовного судопроизводства приговора суда, правоприменительным решением. Это касается и постановления суда, принятого в рамках гражданского судопроизводства на основании содержащихся в акте органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела сведений о фактических обстоятельствах деяния и его выводов относительно совершения этого деяния данным лицом.

15. Постановлением от 15 ноября 2016 года N 24-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании разрешается вопрос о регламентации (ограничении) права на длительные свидания в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы, отбывающих наказание в строгих условиях.

Оспоренные положения признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они исключают возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы, в течение первых 10 лет отбывания наказания.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений осужденным к пожизненному лишению свободы должна предоставляться возможность иметь одно длительное свидание в год с лицами, указанными в части второй статьи 89 УИК Российской Федерации.

16. Определением от 11 октября 2016 года N 2164-О Конституционный Суд выявил смысл положений ча-

сти четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Положениями части четвертой статьи 159 УК Российской Федерации предусматривается ответственность за мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение. Статьей 42 УПК Российской Федерации закреплен процессуальный статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Конституционный Суд указал, что перекалфикация уголовно противоправного деяния с оконченного преступления на покушение сама по себе не предопределяет автоматическую утрату лицом, в отношении которого это деяние совершено, статуса потерпевшего.

Кроме того, Конституционный Суд отметил, что лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, включая привлекаемых с их согласия к проведению оперативно-розыскных мероприятий, должна быть обеспечена защита имущественных прав и интересов, в том числе путем возврата законным владельцам использованного в ходе оперативно-розыскных мероприятий имущества, а в случае причинения им имущественного ущерба - возмещения такового.

17. Определением от 13 декабря 2016 года N 2580-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 311 и части третьей статьи 391 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно оспоренным положениям подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению в зале суда в случаях вынесения оправдательного приговора, обвинительного приговора без назначения наказания, обвинительного приговора с назначением наказания и с освобождением от его отбывания, обвинительного приговора с назначением наказания, не связанного с лишением свободы, или наказания в виде лишения свободы условно. При этом определение или постановление суда о прекращении уголовного дела, принятое в ходе судебного производства по уголовному делу, подлежит немедленному исполнению в той его части, которая касается освобождения обвиняемого или подсудимого из-под стражи.

Конституционный Суд указал, что решение суда об освобождении от наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, принимается в отношении лица, осужденного за совершение преступления вступившим в законную силу приговором суда, и по сути является коррекцией уголовного наказания. Обращение к исполнению этого решения лишь после его вступления в законную силу, т.е. по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке либо в день вынесения судом апелляционной инстанции определения или постановления, не может расцениваться как несоразмерное ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность лица, отбывающего уголовное наказание в виде лишения свободы на основании приговора суда.

Верховным Судом РФ обобщена практика рассмотрения судами за период 2015 - 2016 годов ходатайств органов предварительного расследования об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
18 января 2017 г.

**ОБЗОР
ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ХОДАТАЙСТВ
ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И О ПРОДЛЕНИИ СРОКА
СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ**

Верховным Судом Российской Федерации (далее - Верховный Суд РФ) изучена практика рассмотрения судами за период 2015 - 2016 г. ходатайств органов предварительного расследования об избрании в отношении подозреваемых или обвиняемых в качестве меры пресечения заключения под стражу и о продлении срока содержания обвиняемых под стражей.

Судебная защита права каждого на свободу и личную неприкосновенность гарантирована ст. 22 Конституции Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права. Заключение под стражу - наиболее строгая, ограничивающая свободу личности мера пресечения, которая применяется только при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и допускается исключительно по судебному решению (ст. 108 и 109 УПК РФ).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды при рассмотрении указанных выше ходатайств в основном правильно применяли положения уголовно-процессуального закона, руководствуясь при этом разъяснениями, содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ:

от 19 декабря 2013 г. N 41 (ред. от 24 мая 2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (далее - постановление Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41),

от 10 октября 2003 г. N 5 (ред. от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», от 29 июня 2010 г. N 17 (ред. от 9 февраля 2012 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»,

от 1 февраля 2011 г. N 1 (ред. от 2 апреля 2013 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»,

от 14 июня 2012 г. N 11 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»,

от 27 ноября 2012 г. N 26 (ред. от 1 декабря 2015 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального ко-

декса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»,

от 27 июня 2013 г. N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней»,

от 28 января 2014 г. N 2 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»,

а также учитывали постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. «О рассмотрении результатов обобщения судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

Кроме того, судами принимались во внимание правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека.

1. ИЗБРАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

1.1. Изучение судебной практики показало, что при рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суды учитывали, что необходимым условием законности содержания под стражей является наличие обоснованного подозрения в совершении преступления (подп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 г. N 330-О, от 19 июня 2007 г. N 592-О-О; п. 2 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41).

При отсутствии достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения лица, суды отказывали в удовлетворении такого ходатайства.

Постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении И. преступления. Кроме того, при принятии решения судом было учтено мнение участвовавшего в судебном заседании прокурора, который просил отказать в удовлетворении ходатайства, полагая, что представленных следователем доказательств недостаточно для вывода о причастности И. к преступлению.

Суды правильно полагали, что вывод об обоснованности подозрения должен подтверждаться данными, свидетельствующими о причастности подозреваемого, обвиняемого к преступлению. В качестве таких данных не могут рассматриваться доказательства, подтверждающие само событие преступления.

Постановлением Советского районного суда г. Казани от 9 ноября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 219, ч. 2 ст. 201, ч. 1 ст. 327, ч. 3 ст. 238 УК РФ.

Уголовное дело в отношении группы лиц, в том числе С. - председателя совета директоров коммерческой организации «У», было возбуждено в связи с пожаром в принадлежащем этой организации здании торгового комплекса «А».

Принятое решение суд мотивировал тем, что в качестве доказательств обоснованности подозрения в причастности С. к инкриминируемому ему преступлению суду представлены копии допросов свидетелей и документы, свидетельствующие только о факте пожара в результате нарушения норм пожарной безопасности, однако не представлены данные о том, что коммерческая организация «У» имеет какое-либо отношение к эксплуатации торгового комплекса «А», ведет на объекте какую-либо производственную деятельность и оказывает услуги, а С. является должностным лицом, ответственным за нарушение требований пожарной безопасности на данном объекте.

В соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7 УПК РФ суды при мотивировании вывода об обоснованности подозрения, как правило, ссылались на доказательства, представленные органами предварительного расследования, кратко излагая в постановлении их содержание. Однако в отдельных случаях доказательства, содержащие такие данные, не исследовались в судебном заседании и не приводились судом в постановлении. Подобные ошибки устранялись вышестоящими судами.

Например, Невский районный суд г. Санкт-Петербурга, принимая 9 апреля 2015 г. решение о заключении под стражу В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, указал в постановлении, что представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения В. При этом суд не указал, какие материалы позволили прийти к такому выводу.

28 апреля 2015 г. Санкт-Петербургский городской суд в апелляционном порядке отменил постановление, так как установил, что согласно протоколу судебного заседания в судебном заседании какие-либо материалы не исследовались.

Или другой пример, когда в постановлении не сохранилось указания на то, что суд проверил обоснованность подозрения лица в совершении преступления.

Рузский районный суд Московской области в постановлении от 19 февраля 2016 г. о заключении под стражу Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ничего не указал относительно обоснованности подозрения Б. в совершении преступления. Принятое решение суд мотивировал тяжестью преступления и данными о личности Б., которые, по его мнению, свидетельствуют о невозможности избрания более мягкой меры пресечения.

Апелляционным постановлением Московского областного суда от 3 марта 2016 г. постановление отменено, так как суд первой инстанции не проверил обоснованность подозрения Б. в совершении преступления.

С учетом того, что при разрешении вопроса о заключении под стражу суд не предпринимает вопрос о виновности, а лишь констатирует достаточность или

недостаточность оснований для заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу, в постановлении не должно содержаться формулировок, свидетельствующих о совершении подозреваемым, обвиняемым преступления. Несмотря на это, в отдельных постановлениях встречались подобные формулировки, в частности: «органами предварительного следствия установлено, что лицо совершило преступление»; «жестокость, с которой подозреваемый или обвиняемый совершил преступление»; «судимости, при наличии которых он совершил новое преступление».

Практика судов апелляционной инстанции по устранению таких ошибок складывается по-разному: одни суды изменяют постановление и исключают из него указание на «совершение» подозреваемым, обвиняемым преступления, другие - отменяют постановление, что в большей степени соответствует принципу презумпции невиновности подозреваемого, обвиняемого, обеспечению его прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве.

Апелляционным постановлением Брянского областного суда от 30 января 2015 г. отменено постановление Почепского районного суда от 20 января 2015 г. о заключении под стражу Б., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ, так как суд сослался на характер и жестокость, с которой Б. «совершил» преступление. Рассмотрев ходатайство по существу, суд апелляционной инстанции принял новое решение об избрании в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражу.

1.2. При рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого суды в большинстве случаев во исполнение требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ обсуждали возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения.

При этом суды правильно исходили из того, что заключение под стражу не может быть обосновано только тяжестью преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет. Согласно взаимосвязанным положениям ст. 97, 99 и 108 УПК РФ тяжесть преступления является необходимым условием применения заключения под стражу, а также обстоятельством, которое подлежит учету при избрании любой иной меры пресечения. Однако сама по себе тяжесть преступления не может являться единственным и достаточным основанием для заключения под стражу. В связи с этим суды обоснованно отказывали в удовлетворении таких ходатайств в отношении подозреваемых, обвиняемых в том числе в совершении тяжких преступлений, если приходили к выводу о том, что не исключается возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Например, Устиновский районный суд г. Ижевска Удмуртской Республики 2 марта 2015 г. отказал в заключении под стражу А., обвиняемого в совершении тяжкого преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, сославшись на отсутствие доказательств того, что в отношении А. не может быть избрана иная, более мягкая, мера пресечения. Приняв во внимание данные о личности обвиняемого, который ранее не судим, имеет постоянное место жительства и работы, где

характеризуется положительно, суд избрал в отношении А. домашний арест.

Исходя из требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ суды при удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, как правило, указывали в постановлении на конкретные фактические обстоятельства, свидетельствующие о невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства в случае применения в отношении лица иной меры пресечения.

В ряде случаев, отказывая в заключении под стражу и применяя иную, более мягкую, меру пресечения, суды избирали меры пресечения, для применения которых не требуется судебного решения, например подпису о невыезде и надлежащем поведении.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 16 января 2015 г. мера пресечения в виде заключения под стражу, избранная 29 декабря 2014 г. Усть-Алданским районным судом в отношении Б., 1993 года рождения, подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 и п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, изменена на подпису о невыезде.

В апелляционном постановлении указано, что судом первой инстанции не дано должной оценки совокупности сведений о личности подозреваемого Б., который ранее не судим, по месту жительства характеризуется положительно, зарегистрирован и проживает с родителями, личность его документально установлена, от органов предварительного следствия он не скрывался, вину признает, в содеянном раскаивается.

1.3. Суды учитывали, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу допускается только при наличии оснований, предусмотренных в ст. 97 УПК РФ, при условии, что имеются конкретные данные, подтверждающие, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания или предварительного следствия, может продолжать заниматься преступной деятельностью или угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. При отсутствии указания в постановлении на такие данные либо в тех случаях, когда их достоверность не проверялась в судебном заседании, суды вышестоящих инстанций отменяли судебные решения.

Например, удовлетворяя ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Д., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, Центральный районный суд г. Тольятти Самарской области в постановлении от 6 января 2015 г. вывод о том, что Д. скроется от предварительного следствия и может продолжить заниматься преступной деятельностью, обосновал «характером преступных проявлений» и «данными о личности подозреваемого, не указав при этом в описательно-мотивировочной части постановления каких-либо сведений о личности Д.

Апелляционным постановлением Самарского областного суда от 21 января 2015 г. постановление от-

менено в связи с тем, что тяжесть преступления, в совершении которого подозревается Д., сама по себе не может служить основанием для избрания столь суровой меры пресечения. Каких-либо достоверных данных о том, что подозреваемый Д. скроется от следствия и суда, может воспрепятствовать производству по делу и продолжить заниматься преступной деятельностью, в представленных материалах не имеется. В то же время в материалах дела имеются сведения о том, что Д. впервые привлекается к уголовной ответственности, имеет постоянное место жительства и регистрации на территории Самарской области, личность его документально установлена, от органов предварительного следствия он не скрывался. Кроме того, он является студентом Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, по месту жительства, учебы и службы в рядах Российской Армии характеризуется положительно, вину в совершении преступления признает.

Другой пример. Ковылкинский районный суд Республики Мордовия в постановлении от 8 сентября 2015 г., удовлетворяя ходатайство следователя о заключении под стражу Л., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, вывод о том, что Л. скроется от предварительного следствия, обосновал имеющейся оперативной информацией о намерении Л. выехать в г. Москву.

Верховный Суд Республики Мордовия 23 сентября 2015 г. отменил постановление в апелляционном порядке и отказал в удовлетворении ходатайства следователя, указав на то, что суд не привел в постановлении каких-либо конкретных фактических данных, не проверил и не дал надлежащей оценки оперативной информации, на наличие которой ссылался следователь.

Вывод о том, что подозреваемый, обвиняемый скроется от дознания или предварительного следствия, в связи с чем в отношении его необходимо избрать меру пресечения только в виде заключения под стражу, органы предварительного расследования чаще всего обосновывали отсутствием у лица регистрации в том регионе, где оно проживает или совершило преступление, отсутствием работы, разъездным или вахтовым ее характером, отсутствием семьи и иждивенцев, наличием судимости, возможностью воспользоваться имеющимся заграничным паспортом.

Между тем по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести при наличии указанных обстоятельств суды отказывали в удовлетворении ходатайства, если совокупность всех обстоятельств позволяла прийти к выводу о том, что для обеспечения условий беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства достаточно более мягкой меры пресечения, например домашнего ареста.

Райчихинский городской суд Амурской области в постановлении от 10 августа 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Г., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ. Вывод о невозможности применения в отношении Г. более мягкой меры пресечения дознаватель обосновал тем,

что ранее судимый (в 2008 г. - по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в 2009 г. - по ч. 1 ст. 161 УК РФ) подозреваемый по месту жительства характеризуется отрицательно, злоупотребляет спиртными напитками, не женат, детей не имеет, не работает, законных источников дохода не имеет, поддерживает отношения с лицами, ведущими асоциальный образ жизни, склонен к совершению преступлений, ранее отбывал наказание в местах лишения свободы, освобожден 28 мая 2015 г., преступление, в котором подозревается Г., относится к преступлениям средней тяжести. По мнению органа дознания, подозреваемый Г. на путь исправления не встал и, оставаясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью.

Не согласившись с доводами дознавателя о невозможности применения иной меры пресечения, суд избрал в отношении Г. домашний арест, указав, что подозреваемый имеет постоянное место жительства и регистрацию, явился с повинной, им даны показания о причастности к преступлению и полностью возмещен причиненный потерпевшей ущерб, а также что дознание находится на завершающей стадии и в течение недели уголовное дело может быть направлено в суд.

При разрешении ходатайств суды исходили из того, что по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести вывод о том, что лицо скроется от дознания или предварительного следствия, в отличие от случаев подозрения или обвинения лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, не может быть обоснован только тяжестью преступления. Такой подход согласуется с разъяснениями постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 (пп. 5 и 21), а также правовыми позициями Европейского Суда по правам человека (постановления от 8 февраля 2005 г. по делу «Панченко против Российской Федерации», § 102, от 9 апреля 2009 г. по делу «Кондратьев против Российской Федерации», § 47, и др.).

Постановлением Красноглинского районного суда г. Самары от 27 июня 2015 г. отказано в заключении под стражу Б., подозреваемой в совершении преступления средней тяжести, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ. Несмотря на то, что Б. не работает, в г. Самаре не зарегистрирована и не имеет постоянного места жительства, суд не согласился с доводами дознавателя о том, что эти обстоятельства наряду с тяжестью преступления, в совершении которого подозревается Б., дают основание полагать, что она скроется от дознания. В обоснование принятого решения суд сослался на то, что Б. имеет постоянное место жительства в Оренбургской области, семью и несовершеннолетних детей, которые находятся на ее иждивении, ранее к уголовной ответственности не привлекалась. Сама Б. не отрицала того факта, что без разрешения потерпевшего пользовалась его машиной.

В то же время и при разрешении ходатайств по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях суды учитывали, что сама по себе суровость наказания, с целью избежать которого лицо может скрыться от следствия и суда, не должна являться обстоятельством, исключающим избрание иной, более мягкой, меры пресечения.

Постановлением Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 28 января 2015 г. отказано в заключении под стражу М., обвиняемого в совершении тяжкого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Суд не согласился с доводами следователя о том, что совершение М. преступления в другом регионе, не по месту его постоянного жительства, и наркозависимость обвиняемого наряду с тяжестью деяния дают основание полагать, что М. скроется от предварительного следствия. В обоснование принятого решения суд сослался на то, что ранее М. к уголовной и административной ответственности не привлекался, преступление до конца не довел, так как наркотическое средство у него было изъято, он имеет постоянное место жительства в г. Зеленодольске Республики Татарстан, граничащей с Республикой Марий Эл, где проводится предварительное расследование по уголовному делу. На протяжении трех лет состоит в фактических семейных отношениях с К., воспитывает ее малолетнюю дочь. В г. Зеленодольске также проживают его мать и малолетняя сестра. Других родственников и места жительства на территории Российской Федерации не имеет, как не имеет и заграничного паспорта. Полностью признал свою вину, при допросах в качестве подозреваемого и обвиняемого не отрицал содеянного, на учете в наркологическом диспансере не состоит.

По ряду дел суды при отсутствии оснований, установленных ч. 1 ст. 97 УПК РФ, правильно отказывали в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу, но при этом необоснованно избирали в отношении подозреваемого, обвиняемого другую меру пресечения.

В некоторых случаях решение об избрании иной меры пресечения суды мотивировали наличием предусмотренных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ оснований, которые не были указаны в ходатайстве и не являлись предметом судебного разбирательства. Суды апелляционной инстанции отменяли такие постановления и выносили новое решение по существу заявленного ходатайства, поскольку суд первой инстанции допустил существенное нарушение уголовно-процессуального закона, выйдя за пределы судебного разбирательства.

Апелляционным постановлением Хабаровского краевого суда от 23 ноября 2015 г. отменено постановление Индустриального районного суда г. Хабаровска от 13 ноября 2015 г. об отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Принимая новое решение об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении В. под стражу, апелляционная инстанция отметила, что суд первой инстанции вышел за пределы своих полномочий и предмета судебного рассмотрения, указав, что В., находясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью и оказать давление на свидетелей, поскольку в ходатайстве следователя таких оснований не содержалось.

1.4. В соответствии со ст. 99 УПК РФ тяжесть преступления, а также сведения о личности подозреваемо-

го или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства следует учитывать не только при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения, но и при определении ее вида.

Руководствуясь данной нормой закона, предписывающей дифференцированно подходить к избранию меры пресечения, суды отказывают в удовлетворении ходатайств о заключении под стражу и избирают другие меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, а в ряде случаев и более тяжкого преступления, в частности, когда лицо имеет постоянное место жительства и устойчивые социальные связи, у него отсутствуют судимости. Преимущественно такие решения принимались по делам о преступлениях ненасильственного характера.

Постановлением Красногвардейского районного суда Ставропольского края от 26 июня 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Р., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, и избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с учетом того, что Р. имеет гражданство Российской Федерации, постоянное место жительства и работы, ранее не судим, является вдовцом, имеет на иждивении малолетнего ребенка, по месту работы и жительства характеризуется положительно, в период проведения предварительного следствия не предпринимал попыток скрыться от органов предварительного расследования, нуждается в проведении реабилитации после перенесенного в декабре 2014 года тяжелого заболевания.

Вместе с тем в отдельных случаях районные суды, избирая самую строгую меру пресечения, не принимали во внимание данные о личности подозреваемого или обвиняемого.

Например, постановлением от 21 июля 2015 г. Зианчуринского районного суда Республики Башкортостан избрана мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении Я., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Верховный Суд Республики Башкортостан апелляционным постановлением от 4 августа 2015 г. отменил постановление суда и отказал в удовлетворении ходатайства следователя, сославшись на то, что органами предварительного следствия и судом оставлены без внимания данные о личности подозреваемого. Я. ранее не судим, имеет постоянное место жительства и работы, положительно характеризуется, у него на иждивении двое малолетних детей, вину признал полностью, дал подробные показания об обстоятельствах кражи, в содеянном раскаивается. К материалам дела приобщена расписка потерпевшей К. о том, что причиненный ей ущерб возмещен и претензий она не имеет, обратилась с заявлением о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон и просит не привлекать Я. и других подозреваемых к уголовной ответственности.

1.5. Изучение судебной практики рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде за-

ключения под стражу показало, что в ряде случаев такие ходатайства заявлялись необоснованно, в том числе при наличии обстоятельств, исключающих применение меры пресечения в виде заключения под стражу, в связи с чем суды отказывали в их удовлетворении.

В частности, суды отказывали в удовлетворении ходатайств, заявленных в нарушение требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу не применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом не предусмотрено наказание в виде лишения свободы.

Комсомольский районный суд г. Тольятти Самарской области 26 февраля 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении К., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, на том основании, что за указанное преступление наказание в виде лишения свободы не предусмотрено, а в совершении других преступлений К. не подозревается.

Суды оставляли без удовлетворения ходатайства в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, в тех случаях, когда они были заявлены в нарушение требований ч. 1 ст. 108 УПК РФ о том, что заключение под стражу таких подозреваемых или обвиняемых допускается только в исключительных случаях при наличии одного из следующих обстоятельств: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения, он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Как правило, такие ходатайства органами расследования заявлялись в отношении лиц, имеющих судимость за ранее совершенное преступление. С учетом этого в ходатайстве указывалось, что подозреваемый или обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, либо скрыться от дознания или предварительного следствия (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Между тем для заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести наряду с основаниями, предусмотренными ст. 97 УПК РФ, требуется наличие хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ (п. 4 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41).

Так, 8 февраля 2016 г. Череповецкий городской суд Вологодской области отказал в заключении под стражу Н., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ. Ходатайство дознавателя было обосновано тем, что Н. судим за тяжкие преступления, подозревается в совершении преступления небольшой тяжести в период условного осуждения, поэтому имеются основания полагать, что, оставаясь на свободе, Н. может продолжить заниматься преступной деятельностью, скрыться от дознания. При отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя суд указал, что Н. зарегистрирован в г.

Череповце, имеет постоянное место жительства, его личность установлена, мера пресечения подозреваемым не нарушалась, от органов предварительного расследования он не скрывался и, таким образом, не имеется ни одного из обстоятельств, которое, в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ, служило бы основанием для заключения Н. под стражу.

При рассмотрении ходатайств судами учитывались разъяснения, содержащиеся в п. 4 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41 о том, что отсутствие у лица регистрации на территории Российской Федерации само по себе не является предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ обстоятельством, дающим основание для избрания в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу.

Например, постановлением Белозерского районного суда Вологодской области от 13 января 2016 г. отказано в заключении под стражу П., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, со ссылкой на отсутствие обстоятельств, предусмотренных пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Ходатайство было мотивировано тем, что П. не имеет постоянного источника дохода и места жительства, регистрации, находясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью. В судебном заседании было установлено, что П. хотя и не имеет регистрации, однако имеет постоянное место жительства в г. Белозерске.

В некоторых случаях ходатайства о заключении под стражу обосновывались органами предварительного расследования тем, что лицо не имеет постоянного места жительства на территории конкретного муниципального образования или субъекта Российской Федерации, где было совершено преступление. Между тем п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ допускает применение данной меры пресечения при отсутствии постоянного места жительства в пределах всей территории Российской Федерации.

Подобные ошибки допускали и сами суды, в связи с чем такие постановления отменялись в апелляционном порядке.

Так, апелляционным постановлением Амурского областного суда от 18 июня 2015 г. отменено постановление Свободненского городского суда от 8 июня 2015 г. о заключении под стражу К., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, и в удовлетворении ходатайства следователя отказано, так как ни одно из обстоятельств, которыми обосновано постановление, не предусмотрено пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Постановление судьи первой инстанции было мотивировано, в частности, тем, что подозреваемый К. не имеет постоянного места жительства и регистрации на территории Амурской области, является жителем г. Омска, может скрыться от предварительного следствия.

При возбуждении ходатайств органами предварительного расследования и рассмотрении их в суде не всегда учитывались предусмотренные ч. 1 ст. 108 УПК РФ особенности применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений

в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 7 постановления от 19 декабря 2013 г. N 41 и в п. 7 постановления от 15 ноября 2016 г. N 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» разъяснил, что ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 171 - 174, 174.1, 176 - 178, 180 - 183, 185 - 185.4, 190 - 199.2 УК РФ, без каких-либо других условий, а в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159 - 159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ, - при условии, что эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности.

В связи с этим внимание судов обращено на их обязанность при квалификации преступления по ч. ч. 1 - 4 ст. 159, ст. 159.1 - 159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ во всех случаях выяснить, совершены ли эти преступления в сфере предпринимательской деятельности.

В ряде случаев указанные разъяснения Пленума судами не учитывались, равно как и органы предварительного расследования при заявлении ходатайства в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении указанных преступлений о заключении их под стражу не обосновывали вывод о том, что эти преступления не относятся к сфере предпринимательской деятельности.

В ходе изучения судебной практики были выявлены также случаи, когда указанный вопрос не выяснялся судом при наличии доводов, приведенных стороной защиты о том, что преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности. По отдельным делам это влекло не только необоснованное заключение под стражу лица, в отношении которого не может быть применена такая мера пресечения, но и продление срока содержания его под стражей.

При рассмотрении ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономической деятельности (ст. 171 - 174, 174.1, 176 - 178, 180 - 183, 185 - 185.4, 190 - 199.2 УК РФ), суды, как правило, выясняли вопрос о наличии обстоятельств, указанных в пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Установив отсутствие таких обстоятельств, суды отказывали в удовлетворении необоснованно заявленных ходатайств. Однако в некоторых случаях эти требования закона не соблюдались.

Апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 16 декабря 2015 г. отменено постановление Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25 ноября 2015 г. о заключении под стражу П., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ, на том основании, что указанное преступление входит в перечень преступлений, совершенных в сфере эконо-

мической деятельности, заключение под стражу за которые допускается только при наличии обстоятельств, указанных в пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, но ни одного из таких обстоятельств в отношении П. установлено не было. П. имеет постоянное место жительства на территории Российской Федерации, ее личность установлена; сведений о том, что она скрывалась от органов предварительного расследования или нарушила ранее избранную меру пресечения, не имеется.

При рассмотрении ходатайств о заключении под стражу подозреваемых или обвиняемых лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, суды учитывали разъяснения, содержащиеся в п. 10 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41, согласно которым, по смыслу ч. 6 ст. 88 УК РФ, заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые. В связи с этим суды обоснованно отказывали в удовлетворении ходатайств, заявленных в отношении таких несовершеннолетних.

Октябрьский районный суд г. Саратова 20 января 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу А., не достигшего 16 лет, подозреваемого в совершении впервые преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Ходатайство было мотивировано тем, что, находясь на свободе, А. может скрыться от следствия и суда, воздействовать на свидетелей, избобличающих его в преступлении, оказать на них психологическое или физическое воздействие с целью изменения ими показаний либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В соответствии со ст. 99 УПК РФ к числу обстоятельств, которые суд должен учитывать при избрании меры пресечения, относится состояние здоровья подозреваемого или обвиняемого. В связи с этим суды должны выяснять, не имеется ли у подозреваемого, обвиняемого какого-либо тяжелого заболевания в том числе в случаях, когда в представленных суду материалах такие данные отсутствуют.

Вместе с тем в ходе изучения судебной практики были выявлены случаи, когда судом принималось решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, страдающего заболеванием, входящим в Перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, утвержденный постановлением Правительства РФ от 14 января 2011 г. N 3.

Например, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Коми от 13 ноября 2015 г. отменено постановление Сосногорского городского суда от 14 октября 2015 г. о заключении под стражу К., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, и в отношении его избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Судом установлено, что К. имеет ряд хронических заболеваний, является инвалидом III группы, состоит на диспансерном медицинском учете в том числе в связи с заболеванием, которое, согласно Перечню

тяжелых заболеваний, утвержденному постановлением Правительства РФ от 14 января 2011 г. N 3, относится к заболеваниям, препятствующим содержанию под стражей.

1.6. Нередко работу судов осложняет низкое качество подготовки органами расследования постановлений о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также прилагаемых к ним материалов. В частности, распространено заявление ходатайств при наличии обстоятельств, исключающих применение этой меры пресечения: представление неполных либо недостоверных сведений о личности подозреваемого, обвиняемого; неуказание на какие-либо сведения, подтверждающие, что лицо скрывалось от органов предварительного расследования, могло совершить действия, перечисленные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ; неуказание срока, на который избирается мера пресечения, что в ряде случаев затрудняло принятие судом законного и обоснованного решения. Неодинаковы случаи нарушения органами предварительного расследования установленного в ч. 3 ст. 108 УПК РФ срока представления в суд ходатайства о заключении под стражу в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ (не позднее чем за 8 часов до истечения срока задержания).

В связи с перечисленными фактами в 2015 г. судами вынесено около 500 частных постановлений (определений).

За 6 месяцев 2016 года судами вынесено 340 частных постановлений (определений), из которых 261 - в адрес дознавателей, следователей и руководителей соответствующих подразделений и органов расследования. При этом каждое второе частное постановление было связано с нарушением органами предварительного расследования установленного в ч. 3 ст. 108 УПК РФ срока представления в суд ходатайства о заключении под стражу в отношении подозреваемого, задержанного в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ.

2. ПРОДЛЕНИЕ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

2.1. Рассматривая ходатайство о продлении срока содержания под стражей, суды проверяли наличие обстоятельств, исключающих применение меры пресечения в виде заключения под стражу или продление срока ее действия. При наличии таких обстоятельств суды обоснованно отказывали в удовлетворении ходатайства.

Например, Центральный районный суд г. Волгограда 7 сентября 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении до 3 месяцев срока содержания под стражей В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и изменил в отношении его меру пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест.

В обоснование принятого решения суд сослался на положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ о недопустимости применения заключения под стражу в отношении

подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, в сфере предпринимательской деятельности при отсутствии обстоятельств, предусмотренных пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ.

Вывод о необходимости применения положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ суд мотивировал отсутствием обстоятельств, указанных в пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, и тем, что преступление, в совершении которого обвиняется В., как это следует из постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, связано с осуществлением им, как руководителем ООО «У», предпринимательской деятельности.

Вместе с тем в отдельных случаях суды ошибочно удовлетворяли ходатайства при наличии обстоятельств, исключающих заключение под стражу.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Хакасия от 24 июня 2015 г. отменено постановление Абаканского городского суда от 12 июня 2015 г. о продлении до 2 месяцев 24 дней срока содержания под стражей Ю., обвиняемого в совершении 6 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УК РФ, в удовлетворении ходатайства следователя отказано.

Принимая такое решение, суд апелляционной инстанции руководствовался положениями ч. 1 ст. 108 УПК РФ о недопустимости применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, при отсутствии обстоятельств, указанных в пп. 1 - 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, которых по данному делу не имеется (на момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу Ю. инкриминировалось также тяжкое преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Другой пример. Апелляционным постановлением от 14 августа 2015 г. Краснодарский краевой суд отменил постановление Красноармейского районного суда от 31 июля 2015 г. о продлении на 1 месяц, а всего до 7 месяцев срока содержания под стражей в отношении А., обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, и преступлений средней тяжести, предусмотренных пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, изменив заключение под стражу на залог в размере 200 000 руб., в связи с нарушением требований ч. 1 ст. 109 УПК РФ, допускающей продление срока содержания под стражей на срок, превышающий 6 месяцев, только в отношении обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений.

2.2. Изучение судебной практики показало, что при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суды правильно исходили из того, что обстоятельства, на основании которых лицо было заключено под стражу, не всегда являются достаточными для продления срока действия этой меры пресечения, поскольку они с течением времени могут утрачивать свое значение. На такой подход к разрешению вопроса о продлении срока содержания под стражей ориентирует суды и Пленум Верховного Суда РФ в п. 21 постановления от 19 декабря 2013 г. N 41.

Следуя указанным разъяснениям, суды при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей выясняли, прежде всего, сохраняется ли с течением времени вероятность совершения обвиняемым действий, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, послуживших основанием к заключению его под стражу и подтверждается ли это представленными материалами.

Суды не усматривали оснований для продления срока содержания под стражей в тех случаях, когда было установлено, что обстоятельства с момента заключения лица под стражу изменились (в частности, изменилось обвинение в сторону смягчения, с обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, установлены соучастники преступления, все следственные действия по сбору доказательств произведены, возмещен причиненный преступлением ущерб).

Например, 10 декабря 2015 г. Свердловский областной суд при рассмотрении ходатайства следователя о продлении на 2 месяца, а всего до 6 месяцев срока содержания под стражей П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, применил к П. домашний арест, сославшись на то, что с течением времени изменились обстоятельства, в частности, за 9 месяцев предварительного следствия первоначальный этап сбора и закрепления доказательств завершен, органы расследования ожидают результатов экспертиз и ответов на запросы, что существенно снижает риск вмешательства обвиняемого в ход уголовного судопроизводства. Кроме того, суд учел, что П. ранее не судим, характеризуется удовлетворительно, имеет регистрацию по месту жительства и прочные социальные связи: семью, ребенка-инвалида.

Другой пример. Постановлением Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 19 июня 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства о продлении до 12 месяцев срока содержания под стражей Я., обвиняемой в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, и избрана мера пресечения в виде залога в размере 500 000 рублей на том основании, что изменились обстоятельства, послужившие основанием для избрания меры пресечения и последующих продлений срока ее действия. Я. активно способствовала раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, которые были задержаны.

Суды отказывали в удовлетворении ходатайств, в которых утверждение о том, что обвиняемый скроется от предварительного следствия, обосновывалось тяжестью обвинения и не учитывались другие обстоятельства, не приводились какие-либо данные о том, что лицо пыталось скрыться от предварительного следствия. Аналогичные решения суды принимали и по тем ходатайствам, в которых указание на то, что обвиняемый может угрожать свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, являлось лишь предположением. При этом в ходатайстве не приводились сведения о том, что в ходе производства по уголовному делу обвиняемый имел такие намерения и пытался их реализовать.

Зейский районный суд Амурской области 6 октября 2015 г. отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении до 6 месяцев срока содержания под стражей в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, сославшись на то, что тяжесть предъявленного обвинения, которой следователь обосновал необходимость продления срока содержания под стражей, не является безусловным и достаточным основанием для продолжения содержания под стражей обвиняемого в совершении преступления против собственности. Кроме того, суд указал, что доводы следователя о том, что С. скроется от предварительного следствия, может продолжить заниматься преступной деятельностью или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, основаны на предположениях, поскольку органами предварительного следствия не представлено каких-либо данных об этом. Суд также учел, что С. ранее к уголовной и административной ответственности не привлекался, имеет регистрацию по месту жительства в г. Зее, характеризуется удовлетворительно, признался в содеянном.

При отказе в удовлетворении ходатайств суды избирали не только меры пресечения, которые могут применяться не иначе как по судебному решению, но и подписку о невыезде и надлежащем поведении.

Так, постановлением Псковского городского суда Псковской области от 26 ноября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о продлении на 1 месяц, а всего до 7 месяцев срока содержания под стражей Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 2 ст. 228 УК РФ, и мера пресечения изменена на подписку о невыезде и надлежащем поведении. При этом суд учел данные о личности обвиняемого, который ранее не судим, имеет постоянное место жительства, семью, несовершеннолетнего ребенка. Кроме того, суд принял во внимание неэффективность организации проводимого по делу расследования.

2.3. При разрешении вопроса о продлении срока содержания под стражей суды исходили из того, что сама по себе необходимость дальнейшего производства следственных действий не может выступать в качестве единственного и достаточного основания для продления срока содержания обвиняемого под стражей.

Нижеилимским районным судом Иркутской области 6 июля 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о продлении до 4 месяцев срока содержания под стражей в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Суд, в частности, учел, что все запланированные по уголовному делу мероприятия, направленные на изобличение М., выполнены, по делу необходимо предъявить обвинение в полном объеме, выполнить требования ст. 215 - 217 УПК РФ, составить обвинительное заключение и направить уголовное дело прокурору. Однако, принимая во внимание, что М. обвиняется в совершении преступления против собственности, относящегося к категории преступле-

ний средней тяжести, имеет постоянное место жительства, сотрудничает с органами расследования, суд пришел к выводу, что интересы следствия могут быть обеспечены посредством применения иной, более мягкой, меры пресечения.

В п. 22 постановления от 19 декабря 2013 г. N 41 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания обвиняемых под стражей суду следует проверять обоснованность доводов органов предварительного расследования о невозможности своевременного окончания расследования. В случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей возбуждается перед судом неоднократно и по мотивам необходимости выполнения следственных действий, указанных в предыдущих ходатайствах, суду надлежит выяснять причины, по которым они не были произведены. Если причина, по мнению суда, заключается в неэффективной организации расследования, это может явиться одним из обстоятельств, влекущих отказ в удовлетворении ходатайства. В таких случаях суд вправе реагировать на выявленные нарушения путем вынесения частных постановлений.

Следуя указанным разъяснениям, суды при выявлении факта неэффективной организации расследования, в том числе когда с момента предыдущего судебного решения о продлении срока содержания лица под стражей не осуществлялось каких-либо следственных и (или) процессуальных действий, как правило, отказывали в удовлетворении ходатайств и выносили при этом частные постановления.

Например, 16 июля 2015 г. Борский городской суд Нижегородской области отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении на 1 месяц, а всего до 5 месяцев 24 суток срока содержания под стражей К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 226 УК РФ, и избрал меру пресечения в виде домашнего ареста, сославшись, в частности, на неэффективную организацию расследования уголовного дела.

В судебном заседании было установлено, что в период с 16 июня 2015 г. по 16 июля 2015 г. ни одно из следственных действий, для осуществления которых ранее продлевался срок содержания под стражей К., не проведено.

В том случае, когда ходатайство о продлении срока содержания под стражей заявлялось в период выполнения требований ст. 217 УПК РФ, суды исходили из того, что «необходимость ознакомления (продолжения ознакомления) с материалами уголовного дела не может быть единственным и достаточным основанием для продления срока содержания под стражей», что «каждое решение суда о продлении срока содержания обвиняемого под стражей должно основываться не одними лишь ссылками на продолжающееся ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами дела, а фактическими данными, подтверждающими необходимость сохранения этой меры пресечения» (п. 23 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41).

В связи с этим суды наряду с другими обстоятельствами, которые подлежат проверке при рассмотре-

нии ходатайства о продлении срока содержания под стражей, проверяли эффективность организации ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела.

Так, 21 сентября 2016 г. Московский областной суд отказал в удовлетворении ходатайства следователя о продлении на 3 месяца, а всего до 19 месяцев 26 суток срока содержания под стражей в отношении Б., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 210 УК РФ, которое было мотивировано необходимостью выполнения требований ст. 217 УПК РФ.

Суд пришел к выводу о ненадлежащей организации ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела, так как за 3 месяца с момента предыдущего продления срока содержания под стражей, которое производилось для этих же целей, следователь посетил обвиняемого только 2 раза. С учетом этих обстоятельств, а также ненасильственного характера инкриминируемого Б. деяния, данных о его семейном положении (наличии двух несовершеннолетних детей) суд счел возможным применить в отношении Б. меру пресечения в виде домашнего ареста.

2.4. Если в ходатайстве ставился вопрос о продлении срока содержания под стражей на срок, превышающий 6 месяцев, суды исходили из положений ч. 2 ст. 109 УПК РФ и наряду с обстоятельствами, которые подлежат проверке при рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей, проверяли, указано ли в ходатайстве по делам о тяжком или особо тяжком преступлении на их особую сложность и приведено ли обоснование этого.

Постановлением Владикавказского гарнизонного военного суда от 22 мая 2015 г. удовлетворено ходатайство следователя о продлении на 1 месяц, а всего до 11 месяцев 22 суток срока содержания под стражей в отношении Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 160, ч. 3 ст. 327 и ч. 1 ст. 338 УК РФ, с учетом, в частности, доводов следователя об особой сложности уголовного дела.

В обоснование особой сложности уголовного дела следователь сослался на ряд обстоятельств, в том числе давность событий преступлений (Г., уклонявшийся от следствия и суда, задержан спустя 13 лет после этих событий), обвинение в преступлениях, совершенных на территории иностранного государства, изменение обвиняемым своих анкетных данных (получение в период его розыска заграничного паспорта и паспорта гражданина Российской Федерации на имя другого лица), трудности, связанные с вызовом свидетелей, которые за это время неоднократно меняли место жительства, и расформированием воинской части, где Г. проходил службу, необходимость проведения многочисленных следственных действий на территории различных субъектов Российской Федерации, большой объем уголовного дела (26 томов), с которым предстоит ознакомиться потерпевших и обвиняемого.

Если особая сложность уголовного дела не находила подтверждения в судебном заседании, суды отказывали в удовлетворении ходатайства.

Например, 23 ноября 2015 г. Петрозаводский городской суд Республики Карелия отказал в удовлетворе-

нии ходатайства следователя о продлении на 2 месяца 2 суток, а всего до 8 месяцев 2 суток срока содержания под стражей в отношении И., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, не согласившись с доводами следователя об особой сложности уголовного дела.

Суд принял во внимание объем уголовного дела, состоящего из 3 томов, а также что расследование осуществляется по единственному эпизоду преступной деятельности в отношении двух лиц, задержанных 27 мая 2015 г. при совершении преступления. Кроме того, суд учел, что в тот же день И. предъявлено обвинение в преступлении, причастность к совершению которого он не отрицал.

В связи с заключением амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы в отношении И. 11 июня 2015 г. назначена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза. Однако постановление о назначении экспертизы вместе с материалами уголовного дела представлены экспертам только 20 октября 2015 г., т.е. спустя 4 месяца после ее назначения. При этом доводы следователя о том, что такое время ему потребовалось для сбора необходимых материалов для производства экспертизы, судья посчитал несостоятельными, поскольку, как следует из заключения эксперта, ему были представлены только имевшиеся в распоряжении следователя материалы уголовного дела, каких-либо дополнительных материалов представлено не было. Кроме того, суд установил, что предыдущие ходатайства о продлении срока содержания И. под стражей обосновывались необходимостью проведения одних и тех же следственных действий, часть из которых так и не была выполнена.

Исходя из изложенного, суд пришел к выводу о том, что ни правовой, ни фактической сложности расследование уголовного дела не представляет, поведение обвиняемого не препятствовало и не препятствует ходу расследования, а имеет место неэффективная организация расследования.

Вместе с тем в ходе изучения судебной практики были выявлены факты, когда суды не придавали значения отсутствию данных об особой сложности уголовного дела и принимали решение о продлении срока содержания под стражей без учета требований ч. 2 ст. 109 УПК РФ.

В ряде случаев вывод об особой сложности уголовного дела судом был сделан без достаточных к тому оснований.

Например, 26 ноября 2015 г. Железнодорожный районный суд г. Улан-Удэ Республики Бурятия удовлетворил ходатайство следователя о продлении на 1 месяц, а всего до 7 месяцев 4 суток срока содержания под стражей И., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158, п. «г» ч. 2 ст. 161, пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Мотивируя особую сложность уголовного дела, суд, так же как и органы расследования в своем ходатайстве, сослался на то, что по делу привлекаются 3 обвиняемых по 7 составам преступлений, в том числе тяжких, объем уголовного дела составляет 3 тома.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Бурятия от 9 декабря 2015 г. постановле-

ние отменено и в удовлетворении ходатайства следователя отказано.

Признавая решение суда первой инстанции необоснованным, суд апелляционной инстанции указал на то, что сама по себе уголовно-правовая характеристика расследуемых по уголовному делу преступлений, их количество, а также количество обвиняемых не свидетельствуют об особой сложности дела, а каких-либо иных данных, указывающих на такую сложность, не представлено.

Ознакомление обвиняемых на протяжении более 1 месяца с материалами дела объемом 3 тома, а также указание в ходатайстве на те же основания, что были указаны в двух предыдущих ходатайствах о продлении срока содержания обвиняемого И. под стражей, свидетельствуют о неэффективной организации расследования.

2.5. При рассмотрении ходатайств суды правильно исходили из того, что конкретные обстоятельства, свидетельствующие о необходимости дальнейшего содержания обвиняемого под стражей, следует устанавливать при каждом продлении срока действия этой меры пресечения. Вместе с тем имели место случаи, когда судьи при очередном продлении срока фактически не устанавливали такие обстоятельства, дословно повторяя содержание предыдущих постановлений.

Апелляционным постановлением Московского областного суда от 17 декабря 2015 г. отменено постановление Солнечногорского городского суда от 14 ноября 2015 г. о продлении до 9 месяцев 29 суток срока содержания под стражей в отношении А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 3 ст. 163, п. «а» ч. 4 ст. 158, ч. 2 ст. 325 УК РФ, так как, продлевая в очередной раз срок содержания А. под стражей, судья фактически дословно повторил содержание аналогичных постановлений от 21 мая, 24 июня и 20 августа 2015 г., указав на обвинение А. в совершении тяжкого преступления против собственности и отсутствие у него места работы, не установив при этом каких-либо конкретных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости дальнейшего содержания обвиняемого под стражей.

2.6. При поступлении в суд ходатайства о продлении срока содержания под стражей судьи проверяли, соблюден ли установленный законом процессуальный порядок его заявления и представления в суд. Если ходатайство было возбуждено при получении согласия от должностного лица, не указанного в чч. 2, 3, 7 ст. 109 УПК РФ, суды возвращали его без рассмотрения. Однако в отдельных случаях суды необоснованно удовлетворяли такие ходатайства.

Например, постановлением Свободненского городского суда Амурской области от 1 июля 2015 г. было удовлетворено ходатайство следователя СО МО МВД России «Свободненский» о продлении на срок, равный 24 суткам, а всего до 6 месяцев 24 суток срока содержания под стражей Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Апелляционным постановлением Амурского областного суда от 16 июля 2015 г. постановление отменено, поскольку ходатайство о продлении срока содержания под стражей на превышающий 6 месяцев

срок, вопреки положениям ч. 2 ст. 109 УПК РФ, было согласовано не с руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации, а с начальником СО МО МВД России «Свободненский», у которого отсутствовали соответствующие полномочия. Б. из-под стражи освобожден.

В соответствии с ч. 8.1 ст. 109, ч. 2.1 ст. 221 и ч. 2.1 ст. 226 УПК РФ после направления уголовного дела с обвинительным заключением или обвинительным актом прокурору право возбуждения ходатайства о продлении срока содержания под стражей принадлежит прокурору. Если в подобных случаях суд удовлетворял ходатайство, возбужденное следователем, то такое постановление отменялось вышестоящим судом.

Так, 5 февраля 2015 г. Свердловский областной суд отменил в апелляционном порядке постановление Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 25 декабря 2014 г. о продлении срока содержания под стражей в отношении Р. и Ш., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «в» ч. 2 ст. 158, п. «а» ч. 2 ст. 158, п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Суд первой инстанции, удовлетворив ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей, мотивированное необходимостью направления уголовного дела в суд, не учел, что предварительное расследование окончено и уголовное дело уже направлено прокурору.

В отдельных случаях суды принимали решение о продлении срока содержания под стражей без учета особенностей, установленных главой 52 УПК РФ в отношении отдельных категорий лиц.

Например, апелляционным постановлением от 16 июля 2015 г. отменено постановление Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 23 июня 2015 г. о продлении срока содержания под стражей К., являвшегося действующим депутатом Совета депутатов Н сельсовета Алтайского края, и К. из-под стражи освобожден, поскольку ходатайство было возбуждено органом расследования, к компетенции которого это не отнесено законом. В соответствии с ч. 1 ст. 447, п. 11 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении указанных лиц либо о привлечении такого лица в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается руководителем следственного органа СК РФ по субъекту Российской Федерации. Вопреки этим требованиям закона обвинение К. было предъявлено следователем СУ УМВД России по г. Барнаулу, по ходатайству которого судом продлена ранее избранная мера пресечения в виде заключения под стражу.

2.7. При рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суды в случае выявления обстоятельств, влекущих необоснованно длительное содержание обвиняемых под стражей либо затрудняющих принятие судом законного и обоснованного решения по заявленному органами расследования ходатайству, выносили частные постановления. На право судов реагировать в такой форме в том числе на случаи неэффективной организации расследования уголовных дел, а также ознакомления обвиняемого

и его защитника с материалами уголовного дела обращал внимание Пленум Верховного Суда РФ в пп. 22 и 23 постановления от 19 декабря 2013 г. N 41.

В связи с фактами нарушения органами предварительного следствия требований закона, предъявляемых к сроку представления ходатайств о продлении срока содержания под стражей в суд (ч. 8 ст. 108 УПК РФ), неэффективной организацией расследования уголовных дел, выразившейся, в том числе в непроведении в период ранее продленного срока содержания обвиняемого под стражей каких-либо следственных или процессуальных действий или неэффективной организации процесса ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, а также иными нарушениями закона судами в 2015 г. вынесено около 1 200 частных постановлений.

За 6 месяцев 2016 года судами первой, апелляционной и кассационной инстанций вынесено около 2 000 частных постановлений. Из них более 1700 - в адрес дознавателей, следователей и руководителей соответствующих подразделений и органов. При этом около 1100 частных постановлений, вынесенных в адрес указанных лиц, были связаны с нарушением органами предварительного следствия установленного в ч. 8 ст. 109 УПК РФ срока представления в суд ходатайства о продлении срока содержания под стражей. В каждом третьем частном постановлении обращено внимание на неэффективную организацию расследования. Более 100 частных постановлений вынесено в адрес прокуроров, около 100 частных постановлений - в адрес судей.

3. СРОКИ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ И ПОРЯДОК ИХ ИСЧИСЛЕНИЯ

3.1. Как показало изучение практики, суды правильно полагают, что срок содержания под стражей при досудебном производстве по уголовному делу, в том числе при выполнении требований ст. 217 УПК РФ, может быть установлен и продлен только в пределах срока предварительного расследования. Единственным исключением из этого правила является случай, когда предварительное следствие по делу окончено и уголовное дело направлено прокурору с обвинительным заключением (ч. 8.1 ст. 109 УПК). В связи с этим при рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суды обращали внимание на постановление о продлении срока предварительного расследования.

В тех случаях, когда органы предварительного расследования ходатайствовали о продлении срока содержания под стражей на период, который полностью выходил за пределы срока предварительного расследования, суды отказывали в удовлетворении ходатайства. Если в ходатайстве указывался срок, выходящий за пределы срока предварительного расследования лишь в части, то суды удовлетворяли ходатайство, продлевая срок содержания лица под стражей в пределах срока предварительного расследования.

Например, Московский областной суд при рассмотрении 23 июня 2016 г. ходатайства следователя о продлении срока содержания под стражей в отношении П. до 27 июля 2016 г. продлил этот срок лишь до 9 июля

2016 г. с учетом того, что к указанной дате истекает срок предварительного следствия по уголовному делу.

3.2. При рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суды обоснованно исходили из того, что согласование ходатайства с должностным лицом, как того требуют положения чч. 2, 3, 7 ст. 109 УПК РФ, обязывает суд проверять, не превышает ли срок, заявленный в ходатайстве, тот срок, на который соответствующее должностное лицо компетентно давать согласие.

Например, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Коми от 28 августа 2015 г. изменено постановление Эжвинского районного суда г. Сыктывкара от 13 августа 2015 г. о продлении на 2 месяца, а всего до 7 месяцев срока содержания под стражей в отношении Т., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 132, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Постановлено продлить срок содержания Т. под стражей на 1 месяц, а всего до 6 месяцев, так как ходатайство следователя согласовано с заместителем руководителя следственного отдела по г. Сыктывкару следственного управления СК РФ по Республике Коми, который вправе давать согласие на продление срока содержания под стражей только до 6 месяцев. В нарушение положения ч. 2 ст. 109 УПК РФ ходатайство о продлении срока содержания под стражей до 7 месяцев не согласовано с руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации.

3.3. По смыслу ст. 109 УПК РФ, сроки содержания под стражей исчисляются сутками и месяцами. Исходя из положений чч. 9 и 10 указанной статьи течение срока содержания под стражей начинается в день заключения лица под стражу на основании судебного решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения (час заключения лица под стражу в качестве меры пресечения во внимание не принимается). Истекает срок в 24 часа последних суток срока независимо от того, приходится ли его окончание на рабочий или нерабочий день (п. 19 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41). Для правильного установления даты окончания срока содержания под стражей необходимо учитывать положения ч. 10 ст. 109 УПК РФ (п. 20 постановления Пленума от 19 декабря 2013 г. N 41). Если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, срок в соответствии с ч. 3 ст. 128 УПК РФ исчисляется с момента фактического задержания.

Определяя конечную дату срока содержания под стражей, суды правильно полагали, что если лицо было задержано, например, 3 мая, то окончание месячного срока приходится на 2 июня, а допускаявшиеся судами ошибки в определении конечной даты срока исправлялись судами апелляционной инстанции.

Апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 20 ноября 2015 г. удовлетворено апелляционное представление прокурора, в котором указывалось на неправильное определение судом конечной даты (31 декабря 2015 г.) срока содержания под стражей Д.

В порядке ст. 91 УПК РФ подозреваемый был задержан 31 октября 2015 г. в 19 часов 20 минут. Изменив

постановление Верхневилуйского районного суда от 2 ноября 2015 г., суд апелляционной инстанции постановил считать конечной датой двухмесячного срока содержания Д. под стражей 30 декабря 2015 г.

* * *

В целях повышения качества и недопущения ошибок при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, а также продления срока содержания под стражей обвиняемого рекомендовать председателям верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, судов автономных округов и автономной области, окружных (флотских) военных судов ознакомить судей с настоящим Обзором и учитывать его положения в правоприменительной деятельности.

Судебная коллегия
по уголовным делам
Верховного Суда
Российской Федерации

Управление систематизации
законодательства и анализа
судебной практики
Верховного Суда
Российской Федерации

Утвержден
Президиумом Арбитражного суда
Северо-Кавказского округа
16.12.2016

**ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ,
СВЯЗАННЫМ С РАЗРЕШЕНИЕМ СПОРОВ
О ПРИМЕНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
ОТ 05.04.2013 N 44-ФЗ «О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ
В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД»**

1. Если в документации о закупке работ по сносу строения ошибочно указано, что первая часть заявки может содержать изображение товара, на поставку которого заключается контракт, то это не означает ограничение доступа иных лиц к участию в открытом аукционе.

Общество обратилось с иском к отделу капитального строительства администрации района (далее - отдел) о возложении обязанности заключить муниципальный контракт.

Решением суда требование удовлетворено.

Оставляя судебный акт в силе, окружной суд указал следующее.

Суд установил, что после получения 01.09.2014 от общества письма о необходимости подписания контракта на условиях проведенного электронного аукциона отдел обратился к администрации района с письмом от 03.09.2014 N 241, в котором просил согласовать заключение муниципального контракта.

В письме от 10.09.2014 N 01-99 администрация района в соответствии с Порядком согласования применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), возможности заключения контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденным приказом Минэкономразвития России от 13.09.2013 N 537, отказала в согласовании заключения отделом контракта с обществом в связи с выявленными нарушениями законодательства о контрактной системе в части установления в документации о закупках дополнительных требований (подпункт 1.2 пункта 18 информационной карты открытого аукциона в электронной форме содержит информацию о том, что первая часть заявки может содержать эскиз, рисунок, чертеж, фотографию, иное изображение товара, на поставку которого заключается контракт).

Однако суд кассационной инстанции полагает, что наличие в информационной карте подпункта 1.2 пункта 18 с учетом того, что там указано на возможность, а не обязанность содержания эскиза, рисунка, чертежа, фотографии, иного изображения товара, а также с учетом предмета контракта (снос строения), не могло ограничить доступ иных лиц к участию в открытом аукционе. Следовательно, администрация неправоммерно отказала в согласовании заключения отделом контракта с обществом (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.07.2015 по делу N А61-3260/2014).

2. Вместо установленной Федеральным законом от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере

закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон N 44-ФЗ) неустойки за неисполнение обязательства по своевременному возврату денежных средств, перечисленных в качестве обеспечения заявки на участие в конкурсе, участник конкурса вправе требовать уплаты процентов за просрочку исполнения денежного обязательства в соответствии со статьей 395 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - Гражданский кодекс).

Общество обратилось с иском к министерству о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда в иске отказано. Суд пришел к выводу о том, что к правоотношениям сторон не подлежат применению нормы статьи 395 Гражданского кодекса.

Постановлением апелляционного суда решение отменено, иск удовлетворен.

Оставляя постановление апелляционного суда в силе, окружной суд указал следующее.

В силу пунктов 1 и 3 части 6 статьи 44 Закона N 44-ФЗ денежные средства, внесенные в качестве обеспечения заявки на участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), возвращаются на счет участника закупки при проведении конкурса в течение не более чем пяти рабочих дней с даты подписания протокола рассмотрения и оценки заявок на участие в конкурсе или отклонения заявки участника закупки.

Согласно пункту 1 статьи 395 Гражданского кодекса за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств.

Частью 29 статьи 44 Закона N 44-ФЗ предусмотрено, что в случае просрочки исполнения заказчиком предусмотренных этой статьей обязательств по своевременному возврату денежных средств участник закупки вправе потребовать уплаты пеней. Пена начисляется за каждый день просрочки исполнения обязательства начиная со дня, следующего после дня истечения установленного в соответствии с названной статьей срока исполнения обязательства. Такая пена устанавливается в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не возвращенной в срок суммы или от суммы, блокирование которой должно быть прекращено.

Таким образом, ответственность за неисполнение обязательства по своевременному возврату денежных средств, перечисленных в качестве обеспечения заявки на участие в конкурсе, установлена названным Законом.

Это обстоятельство не исключает право истца требовать вместо установленной Законом N 44-ФЗ неустойки уплаты процентов за просрочку исполнения денежного обязательства по статье 395 Гражданского кодекса (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.07.2015 по делу N А18-525/2014).

3. В целях обеспечения прозрачности процедуры торгов в тех случаях, когда нестоимостной критерий оценки предполагает присуждение баллов в зависимости от количества приложенных контрактов, в протоколе рассмотрения и оценки заявок должно быть указано, какие контракты не приняты в качестве допустимых и по каким причинам. Однако отсутствие такого указания не является основанием для признания торгов недействительными, если суд посчитает представленные контракты недопустимыми.

Общество обратилось с исковым заявлением о признании недействительными торгов и заключенного по их результатам государственного контракта.

Решением суда, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Оставляя судебные акты без изменения, окружной суд указал следующее.

КонсультантПлюс: примечание.

В тексте документа, видимо, допущена опечатка: пункт 10 в статье 54 Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ отсутствует, имеется в виду пункт 10 статьи 53.

Общество не согласно с оценкой критерия «опыт работ по расчистке русел рек». Поскольку общество представило 6 контрактов, относящихся к указанным видам работ, ему должно было быть присвоено 10 баллов, однако конкурсная комиссия без правового обоснования и отражения причин в протоколе оценила заявку общества как заявку, по которой представлено 5 и менее контрактов по расчистке русел рек, поэтому общество и заняло второе место в конкурсе. Довод о том, что комиссия в нарушение Закона N 44-ФЗ в протоколе рассмотрения и оценки заявок не указала, какие контракты не приняты в качестве допустимых и по каким причинам, обоснован. Данными действиями комиссия создала неопределенность в оценке представленных контрактов по критерию квалификации участников закупки, так как общество не имеет информации о том, какие из них (один или пять контрактов) отклонены и по каким основаниям. Несмотря на то, что согласно части 10 статьи 54 Закона N 44-ФЗ причины отклонения заявки должны быть изложены в случае отклонения заявки на участие в конкурсе, в целях обеспечения прозрачности процедуры торгов такой же порядок должен соблюдаться членами комиссии и в тех случаях, когда нестоимостной критерий оценки предполагает присуждение баллов в зависимости от количества приложенных контрактов. Если при оценке общего количества нескольких контрактов члены комиссии часть договоров отклоняют, они должны указать причины, по которым они их не учитывают при определении победителя торгов. Однако допущенные нарушения не являются основанием для удовлетворения исковых требований, поскольку суд первой инстанции оценил представленные документы, а также 6 контрактов по критерию «опыт работ по расчистке русел рек» и пришел к выводу о том, что часть из них не может быть принята в качестве подтверждения опыта по выполнению работ по расчистке русел рек

(постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.07.2015 по делу N А63-9517/2014).

4. При оспаривании торгов в исковом порядке презюмируется, что имущественные права и интересы истца, не подававшего заявку на участие в торгах, не нарушены, пока не доказано обратное.

Общество обратилось с иском к администрации муниципального образования (далее - администрация) с требованием признать недействительной аукционную документацию открытого аукциона в электронной форме в части характеристик предмета аукциона, так как она сформирована с нарушением норм действующего законодательства.

Решением, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в иске отказано.

Отклоняя кассационную жалобу, окружной суд указал следующее.

Как разъяснено в пункте 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.12.2005 N 101 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с признанием недействительными публичных торгов, проводимых в рамках исполнительного производства», лицо, обращающееся с требованием о признании торгов недействительными, должно доказать наличие защищаемого права или интереса с использованием мер, предусмотренных гражданским законодательством. Нарушения порядка проведения торгов не могут являться основаниями для признания торгов недействительными по иску лица, чьи имущественные права и интересы данными нарушениями не затрагиваются и не могут быть восстановлены при применении последствий недействительности заключенной на торгах сделки.

Суд установил, что в срок, определенный извещением о проведении электронного аукциона, заявку на участие в торгах истец не подавал, и поэтому пришел к следующему правильному выводу: общество не доказало, что является заинтересованным лицом по рассматриваемому иску.

Подлежит отклонению как несостоятельный довод подателя жалобы о том, что в силу статьи 3 Закона N 44-ФЗ поставщик становится участником размещения заказа с момента публикации (размещения на сайте) извещения о проведении торгов и, независимо от того, подана им заявка или нет и обращался ли он или нет к иным законным процедурам, его права считаются автоматически нарушенными, поскольку аукционная документация, по его мнению, не соответствует действующему законодательству.

Действительно, частью 4 статьи 3 Закона N 44-ФЗ предусмотрено, что под участником закупки понимается любое юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала или любое физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя.

Согласно части 1 статьи 105 Закона N 44-ФЗ любой участник закупки имеет право обжаловать в контрольный орган в сфере закупок действия (бездействие)

заказчика по осуществлению закупок, если такие действия (бездействие) нарушают права и законные интересы участника закупки. При этом согласно части 3 статьи 105 Закона № 44-ФЗ обжалование действий (бездействия) заказчика допускается в любое время после размещения в единой информационной системе плана закупок, но не позднее чем через десять дней с даты размещения в единой информационной системе протокола рассмотрения и оценки заявок на участие в конкурсе, протокола рассмотрения и оценки заявок на участие в запросе котировок, протокола запроса предложений, а в случае определения поставщика (подрядчика, исполнителя) закрытым способом - с даты подписания соответствующего протокола. Жалоба на положения документации о закупке может быть подана любым участником закупки, общественным объединением, объединением юридических лиц до окончания установленного срока подачи заявок.

В соответствии с пунктом 4 части 3 статьи 112 Закона № 44-ФЗ в 2014 году обжалование действий (бездействия) лиц, указанных в части 3 статьи 105 названного Закона, допускается с момента начала определения поставщика (подрядчика, исполнителя). Согласно части 2 статьи 3 Закона № 44-ФЗ определение поставщика (подрядчика, исполнителя) - это совокупность действий, которые осуществляются заказчиками в порядке, установленном данным Законом, начиная с размещения извещения об осуществлении закупки товара, работы, услуги для обеспечения государственных нужд (федеральных нужд, нужд субъекта Российской Федерации) или муниципальных нужд и завершаются заключением контракта.

В соответствии с пунктом 1 части 17 статьи 105 Закона № 44-ФЗ жалоба на действия заказчика в отношении закупок для обеспечения муниципальных нужд может быть подана в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок.

Таким образом, исходя из совокупности названных норм в их системном единстве и взаимосвязи, суд кассационной инстанции считает названный довод подателя жалобы ошибочным (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.07.2015 по делу № А32-40968/2014).

5. Договор, направленный на удовлетворение государственных или муниципальных нужд и заключенный без использования названных в Законе № 44-ФЗ конкурентных способов определения поставщиков (исполнителей, подрядчиков), является ничтожным.

Управление Федеральной антимонопольной службы (далее - управление) обратилось с иском к администрации города (далее - администрация) и обществу о признании недействительной (ничтожной) сделки - муниципального контракта по строительству недвижимого объекта, заключенного администрацией и обществом.

Решением, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены. Судебные акты мотивированы тем, что спорный контракт является

недействительным, так как заключен с нарушением Закона № 44-ФЗ без проведения торгов.

Окружной суд, оставляя судебные акты без изменения, указал следующее.

В соответствии с пунктами 74 и 75 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» ничтожной является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц.

Договор, условия которого противоречат существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, может быть квалифицирован как ничтожный полностью или в соответствующей части, даже если в законе не содержится прямого указания на его ничтожность.

Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы.

В Законе № 44-ФЗ не содержится прямого указания на ничтожность сделок, направленных на удовлетворение государственных и муниципальных нужд и заключенных без использования названных в Законе конкурентных способов определения поставщиков (исполнителей, подрядчиков). Вместе с тем в Законе содержится явно выраженный запрет на заключение сделок в обход таких конкурентных способов, без использования которых нарушаются права неопределенного круга третьих лиц - потенциальных участников торгов.

Учитывая, что заключение контракта с единственным подрядчиком без соблюдения установленной законом конкурентной процедуры исключает возможность участия потенциальных претендентов на заключение контракта (в ходе проведенных ранее электронных аукционов поступили заявки от пяти лиц), суды обоснованно удовлетворили требования управления (постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.02.2016 по делу № А18-22/2015).

Заказчик вправе одновременно взыскать договорные штраф и пени за просрочку подрядчика.

АРБИТРАЖНЫЙ СУД СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ОКРУГА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 23 декабря 2016 г. по делу N А52-510/2016

Арбитражный суд Северо-Западного округа в составе председательствующего Журавлевой О.Р., судей Бурматовой Г.Е., Соколовой С.В., при участии от общества с ограниченной ответственностью «ЭнергоКомплектСевероЗапад» Писаренко О.В. (доверенность от 01.11.2016), рассмотрев 21.12.2016 в открытом судебном заседании кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «ЭнергоКомплектСевероЗапад» на решение Арбитражного суда Псковской области от 31.05.2016 (судья Шубина О.Л.) и постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2016 (судьи Зайцева А.Я., Романова А.В., Чередица Н.В.) по делу N А52-510/2016,

установил:

публичное акционерное общество «Межрегиональная распределительная сетевая компания Северо-Запада», место нахождения: 188304, Ленинградская область, город Гатчина, улица Соборная, дом 31, ИНН 7802312751, ОГРН 1047855175785 (далее - Компания) обратилось в Арбитражный суд Псковской области с иском, уточненным в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ), к обществу с ограниченной ответственностью «ЭнергоКомплектСевероЗапад», место нахождения: 191119, Санкт-Петербург, улица Звенигородская, дом 20, литера А, офис А-6-4-6, ИНН 7805409617, ОГРН 5067847432274 (далее - Общество) о взыскании 4 111 087 руб. 24 коп., из которых 2 201 516 руб. 59 коп. неустойки и 1 909 570 руб. 65 коп. штрафа за несвоевременное исполнение обязательств по договору подряда от 01.06.2015 N 347.

Решением суда первой инстанции от 31.05.2016 (с учетом определения об исправлении опечатки) с Общества в пользу Компании взыскано 1 126 023 руб. 71 коп. неустойки и 1 434 417 руб. 22 коп. штрафа, а также 27 127 руб. в возмещение расходов по уплате государственной пошлины. В удовлетворении остальной части иска отказано.

Постановлением апелляционного суда от 25.08.2016 указанное решение оставлено без изменения.

В кассационной жалобе Общество, ссылаясь на неправильное применение судами норм материального права и несоответствие выводов судов имеющимся в деле доказательствам, просит принятые судебные акты отменить, дело направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции. По мнению подателя жалобы, суды ошибочно не применили положения статьи 404 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) об уменьшении ответственности должника в случае ненадлежащего исполнения обязательства по вине обеих сторон. Общество также считает, что суды применили две меры ответственности за одно и то же нарушение обязательств. Кроме того, суды необосно-

ванно отказали в применении положений статьи 333 ГК РФ.

В судебном заседании представитель Общества поддержал доводы кассационной жалобы.

Компания извещена надлежащим образом о времени и месте рассмотрения кассационной жалобы, однако ее представители в судебное заседание не явились, в связи с чем жалоба рассмотрена в их отсутствие.

Законность обжалуемых судебных актов проверена в кассационном порядке.

Как следует из материалов дела, Компания (Заказчик) и Общество (Подрядчик) 01.06.2015 заключили договор подряда N 347 (далее - Договор) на выполнение работ по расчистке просек ВЛ-110-35-10 кВ методом мульчирования (с применением ручной рубки на болотистой местности и пересеченной местности (овраги, косогоры, склоны возвышенностей) общей площадью 1140,5 га согласно техническому заданию (приложение N 1 к Договору).

Сроки выполнения работ (пункт 1.2. Договора):

начало - 01.06.2015;

окончание - 30.09.2015.

Промежуточные сроки сдачи этапов работ оговорены сторонами в календарном плане - графике производства работ (приложение N 2 к Договору).

В силу пункта 4.1. Договора стоимость работ по расчистке определяется, исходя из фактически произведенных объемов работ и следующей тарифной стоимости:

за 1 га расчистки ВЛ-110-35-10 кВ механизированным способом (мульчирование) - 23 510 руб. 15 коп., в том числе НДС 18% - 3586 руб. 29 коп.;

за 1 га расчистки ВЛ-110-35-10 кВ с применением ручной рубки - 10 692 руб. 17 коп., в том числе НДС 18% - 1631 руб. 01 коп.

Согласно пункту 4.4. Договора объемы расчистки, указанные в техническом задании, являются предварительными и могут изменяться в процессе выполнения договора в зависимости от погодных условий.

Впоследствии сторонами путем подписания дополнительных соглашений к Договору корректировались объемы работ и их итоговая стоимость.

После завершения работ Подрядчик передает в установленный срок результат выполненных работ Заказчику по акту сдачи - приемки (пункт 5.2. Договора).

Акт сдачи - приемки выполненных работ является определяющим документом для окончательного расчета между Заказчиком и Подрядчиком (пункт 5.3. Договора).

В силу пункта 7.3. Договора Заказчик вправе начислить Подрядчику пени за нарушение сроков выполнения работ по этапу - в размере 0,1% от стоимости работ по этапу за каждый день просрочки, а при задержке сдачи объекта свыше 30 календарных дней, помимо пени, штраф в размере 10% от общей стоимости работ.

Судами установлено и сторонами не отрицается подписание актов сдачи-приемки выполненных работ по следующим объектам:

ВЛ-110 Подберезенская-1 от 19.10.2015 N 8 на 744 801 руб. 70 коп., от 09.11.2015 N 24 на 62 063 руб. 43 коп., от 23.11.2015 N 26 на 1 113 150 руб. 53 коп.;

ВЛ-110 Дновская-1 от 30.10.2015 N 11 на 136 789 руб. 59 коп.;
ВЛ-110 Изборская-1 от 22.09.2015 N 3 на 147 066 руб. 88 коп.;
ВЛ-110 Изборская-2 от 22.09.2015 N 4 на 317 686 руб. 56 коп.;
ВЛ-110 Линовская-2 от 30.10.2015 N 15 на 120 532 руб. 94 коп.;
ВЛ-110 Сланцевская-5 от 09.11.2015 N 12 на 253 511 руб. 15 коп.;
ВЛ-110 отпайка от л. ОС-1 от 30.10.2015 N 18 на 59 328 руб. 55 коп.;
ВЛ-110 отпайка от л. ОС-2 от 30.10.2015 N 19 на 84 134 руб. 38 коп.;
ВЛ-110 Лудонская-1 от 30.11.2015 N 31 на 311 382 руб. 66 коп., от 09.11.2015 N 20 на 896 617 руб. 77 коп.;
ВЛ-110 Карамышевская-2 от 09.11.2015 N 37 на 250 048 руб. 94 коп., от 30.11.2015 N 13 на 113 515 руб. 80 коп.;
ВЛ-110 Лядская-1 от 17.12.2015 N 41 на 195 807 руб. 55 коп., от 23.11.2015 N 29 на 545 058 руб. 59 коп., от 09.11.2015 N 17 на 1 847 129 руб. 25 коп.;
ВЛ-35 Жавровская-2 от 30.11.2015 N 33 на 29 692 руб. 15 коп., от 15.12.15 N 39 на 524 470 руб. 41 коп.;
ВЛ-35 Ратковская-2 от 30.11.2015 N 38 на 485 607 руб. 85 коп., от 15.12.2015 N 40 на 59 290 руб. 45 коп.;
ВЛ-35 Жадрицкая-2 от 30.11.2015 N 32 на 347 231 руб. 41 коп.;
ВЛ-35 Ратковская-1 от 20.11.2015 N 25 на 891 071 руб. 82 коп.;
ВЛ-35 Талецкая-3 от 09.11.2015 N 23 на 212 621 руб. 73 коп.;
ВЛ-35 Панкратовская-1 от 30.10.2015 N 10 на 769 487 руб. 37 коп.;
ВЛ-35 Себежская-3 от 23.11.2015 N 30 на 795 311 руб. 89 коп.;
ВЛ-35 Календиновская-2 от 30.11.2015 N 34 на 264 912 руб. 42 коп.;
ВЛ-35 Палкинская-1 от 30.09.2015 N 6 на 434 491 руб. 18 коп.;
ВЛ-35 Палкинская-2 от 22.09.2015 N 1 на 97 242 руб. 69 коп.;
ВЛ-35 Юбилейная-1 от 23.11.2015 N 28 на 65 685 руб. 93 коп.;
ВЛ-35 Юбилейная-2 от 30.10.2015 N 14 на 378 049 руб. 77 коп.;
ВЛ-35 Черневская-1 от 30.11.2015 N 36 на 477 959 руб. 22 коп.;
ВЛ-35 Черневская-2 от 23.11.2015 N 27 на 1 462 449 руб. 56 коп.

Заказчик, полагая, что на 18 объектах работы выполнены с нарушением установленных Договором сроков, а на 8 объектах работы не произведены, обратился с иском в суд о взыскании 2 201 516 руб. 59 коп. пени и 1 909 570 руб. 65 коп. штрафа.

Суды обеих инстанций, удовлетворяя исковые требования в части взыскания 1 126 023 руб. 71 коп. неустойки и 1 434 417 руб. 22 коп. штрафа, исходя из периода просрочки и стоимости невыполненных работ, правомерно руководствовались следующим.

В соответствии с пунктом 1 статьи 702 ГК РФ по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязует-

ся выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену (пункт 1 статьи 740 ГК РФ).

Согласно статье 708 ГК РФ подрядчик несет ответственность за нарушение как начального и конечного, так и промежуточных сроков выполнения работ.

Пунктом 1 статьи 330 ГК РФ установлено, что неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

В пункте 7.3. Договора стороны предусмотрели за нарушение сроков выполнения работ по этапу пени в размере 0,1% от стоимости этапа за каждый день просрочки.

Судами установлено и материалами дела подтверждается нарушение сроков выполнения работ.

Ссылка подателя жалобы на положения статьи 404 ГК РФ рассмотрена судами обеих инстанций и правомерно ими отклонена.

В соответствии с пунктом 1 статьи 404 ГК РФ, если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд соответственно уменьшает размер ответственности должника. Суд также вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению.

При рассмотрении настоящего спора Подрядчик не представил доказательств просрочки исполнения Заказчиком своих обязательств по Договору, а также совершения Заказчиком иных действий, которые повлекли задержку выполнения подрядных работ.

При этом из содержания писем от 10.09.2015 и 19.09.2015 не усматривается уведомление о невозможности выполнения работ в установленные Договором сроки или приостановка выполнения работ в порядке пункта 1 статьи 716 ГК РФ. Указанные письма направлены исключительно на изменение Договора в части определения объемов работ, метода расчистки и корректировки стоимости работ.

Ссылка подателя жалобы на подписание сторонами дополнительного соглашения от 28.10.2015 N 3 к Договору, уточняющего техническое задание и стоимость работ, не может быть принята во внимание, поскольку указанным дополнительным соглашением стороны в очередной раз уточнили объем работ и метод их выполнения, без корректировки сроков выполнения работ.

Как следует из материалов дела следует, Подрядчик в письмах от 10.09.2015 и 19.09.2015 ставил перед За-

казчиком вопрос о необходимости внесения изменений в предмет и цену Договора и не поднимал вопрос о продлении сроков окончания работ.

При таких обстоятельствах суды первой и апелляционной инстанций пришли к обоснованному выводу об отсутствии оснований для применения положений статьи 404 ГК РФ.

Пунктом 7.3. Договора в качестве ответственности за просрочку сроков сдачи работ помимо пени также установлен штраф в размере 10% от общей стоимости работ по Договору за задержку сдачи объекта более чем на 30 календарных дней.

На основании указанного пункта Договора суды обеих инстанций взыскали штраф в размере 1 434 417 руб. 22 коп., исходя из стоимости невыполненных работ.

Довод подателя жалобы к недопустимости одновременно взыскания пени и штрафа подлежит отклонению на основании следующего.

В пункте 7.3 Договора сторонами за нарушение сроков выполнения работ предусмотрена ответственность в виде сочетания штрафа и пени.

Правовая возможность установления ответственности подобным образом за неисполнение обязательств в частности следует из пункта 80 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», согласно которому, если заявлены требования о взыскании неустойки, установленной договором в виде сочетания штрафа и пени за одно нарушение, а должник просит снизить ее размер на основании статьи 333 ГК РФ, суд рассматривает вопрос о соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательств исходя из общей суммы штрафа и пени.

Принцип недопустимости двойной ответственности изложен в пунктах 6, 15 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08.10.1998 N 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами». В названном Постановлении, в отличие от сочетания штрафа и пени, речь идет о соотношении неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами, исчисление которых производится по одинаковым одновременно действующим правилам, что противоречит принципам действующего законодательства.

Ссылка подателя жалобы на пункт 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» является несостоятельной, поскольку материалы дела не содержат доказательств того, что Подрядчик при заключении Договора был поставлен в такие условия, о которых говорится в названном пункте.

То обстоятельство, что Заказчик является организатором конкурса, а Подрядчик - участником, само по себе не свидетельствует о несправедливости договорных условий и злоупотреблении правом со стороны Заказчика.

Ссылка подателя жалобы на необходимость уменьшения ответственности на основании статьи 333 ГК РФ отклоняется ввиду следующего.

Согласно пункту 77 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» снижение размера договорной неустойки, подлежащей уплате коммерческой организацией, индивидуальным предпринимателем, а равно некоммерческой организацией, нарушившей обязательство при осуществлении ею приносящей доход деятельности, допускается в исключительных случаях, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства и может повлечь получение кредитором необоснованной выгоды (пункты 1 и 2 статьи 333 ГК РФ).

Судами обеих инстанций установлено, что ответчик таких доказательств не представил.

К выводу о наличии или отсутствии оснований для снижения суммы неустойки суд приходит в каждом конкретном случае при оценке имеющихся в деле доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании.

Кассационная инстанция не усматривает неправильного применения судами положений статьи 333 ГК РФ.

Само по себе несогласие подателя жалобы с произведенной судами оценкой фактических обстоятельств дела не свидетельствует о неправильном применении норм материального и процессуального права и не может быть положено в обоснование отмены обжалуемых решения и постановления.

На основании изложенного суд кассационной инстанции полагает, что выводы судов обеих инстанций соответствуют фактическим обстоятельствам дела и имеющимся в деле доказательствам. Суды правильно применили нормы материального и процессуального права. В связи с этим кассационная инстанция не находит оснований для отмены обжалуемых судебных актов.

Таким образом, кассационная жалоба удовлетворению не подлежит.

Руководствуясь статьями 286 и 287 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Северо-Западного округа

постановил:

решение Арбитражного суда Псковской области от 31.05.2016 и постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2016 по делу N А52-510/2016 оставить без изменения, а кассационную жалобу общества с ограниченной ответственностью «ЭнергоКомплектСевероЗапад» - без удовлетворения.

Председательствующий
О.Р. ЖУРАВЛЕВА

Судьи
Г.Е. БУРМАТОВА
С.В. СОКОЛОВА

Постановление ЕСПЧ от 20.09.2016 «Дело «Карелин (Karelin) против Российской Федерации» (жалоба N 926/08) По делу обжалуется жалоба заявителя, привлеченного к административной ответственности за нарушение общественного порядка, на то, что неучастие прокурора как представителя органа обвинения при рассмотрении его административного дела, обязательное участие которого во всех делах об административных правонарушениях не предусмотрено действующим КоАП РФ, нарушило его право на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство, поскольку функцию обвинения выполнял сам судья. По делу допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

[неофициальный перевод] <1>

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАРЕЛИН (KARELIN)
ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» <1>
(Жалоба N 926/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ <2>

(Страсбург, 20 сентября 2016 г.)

<1> Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем»/Под ред. Ю.Ю. Берестнева. См. комментарий адвоката М.А. Крупского к данному Постановлению на с. 142 - 143 настоящего издания (примеч. редактора).

<2> Настоящее Постановление вступит в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

По делу «Карелин против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), рассматривая дело Палатой в составе:

Луиса Лопеса Герры, Председателя Палаты,
Хелены Ядерблом,
Иоганнеса Силвиса,
Дмитрия Дедова,
Бранко Лубарды,
Алены Полачковой,
Георгиоса А. Сергидеса, судей,

а также при участии Фатоша Араджи, заместителя Секретаря Секции Суда,
проведя совещание за закрытыми дверями 30 августа 2016 г.,

вынес в указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой N 926/08, поданной против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) гражданином Российской Федерации Михаилом Юрьевичем Карелиным (далее - заявитель) 19 ноября 2007 г.

2. Власти Российской Федерации были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека Г.О. Матюшкиным.

3. 2 июля 2012 г. заявитель подал еще одну жалобу в отношении нового судебного разбирательства в 2012 году,

касавшегося неучастия прокурора в этом деле и не связанного с ранее заявленным нарушением.

4. 29 января 2014 г. жалоба в части, касающейся неучастия прокурора в судебном разбирательстве в 2012 году, была коммуницирована властям Российской Федерации, а в остальной части, включая первоначальные пункты жалобы, заявленные в ноябре 2007 года, жалобы были объявлены неприемлемыми для рассмотрения по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель, 1970 года рождения, проживает в г. Набережные Челны.

6. 4 марта 2012 г. заявитель был задержан сотрудником полиции З. и обвинен в непристойном поведении в общественном месте, в правонарушении, предусмотренном статьей 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) и влекущем наложение штрафа или административный арест на срок до 15 суток. Представляется, что заявитель был доставлен в отдел полиции и оставался там в течение некоторого времени.

7. В отделе полиции З. составил протокол об административном правонарушении, возбудив дело об административном правонарушении в отношении заявителя. В протоколе было указано следующее:

«4 марта 2012 г.

Я сделал нижеследующие выводы в соответствии со статьей 28.3 КоАП РФ.

[Заявитель] находился в состоянии алкогольного опьянения и нецензурно ругался в адрес прохожих, размахивая руками. Он пытался начать драку и не изменил свое поведение, несмотря на замечания прохожих. Таким образом, он грубо нарушил общественный порядок и совершил административное правонарушение, предусмотренное статьей 20.1 КоАП РФ.

Факт совершения административного правонарушения подтвержден свидетелем К.

[Заявителя] уведомили о его правах и обязанностях в соответствии со статьями 48 и 51 Конституции Российской Федерации и статьями 1.5, 24.2 и 25.1 КоАП РФ о том, что человек, который преследуется за административное правонарушение, имеет право, в частности, знакомиться со всеми материалами административного дела, давать показания, представлять доказательства, подавать жалобы и заявления, а также пользоваться помощью адвоката...

Решение: передать дело в суд.

Подпись заместителя начальника, 5 марта 2012 г.».

8. Сотрудник полиции З. также составил письменный рапорт, указывавший, что заявитель нецензурно выражался в отношении прохожих.

9. Представляется, что один из прохожих, Н., согласился дать письменные показания, подтверждающие тот факт, что заявитель был пьян и нецензурно ругался.

10. 5 марта 2012 г. сотрудник полиции направил протокол своему начальнику, который решил, что дело должно быть передано для рассмотрения в суд.

11. В неуказанную дату материалы дела об административном правонарушении были направлены мировому судье для принятия решения. По-видимому, материалы дела содержали протокол об административном правонарушении, рапорт З. и показания Н. Неясно, находились ли в них в тот момент письменные показания К.

12. 29 марта 2012 г. мировой судья провел судебное заседание по делу. Неизвестно, было ли оно открытым.

13. Заявитель сделал письменное заявление о том, что ему были разъясны его процессуальные права.

14. Как следует из постановления по данному делу (см. ниже), заявитель в ходе судебного разбирательства был обвинен в использовании нецензурной лексики в присутствии других людей, находясь при этом в нетрезвом состоянии и тем самым нарушая общественный порядок.

15. Заявитель, который сам являлся адвокатом, не пригласил себе юридического представителя. Он не признал себя виновным и сделал устные замечания по обвинению против него.

16. На основании соответствующего требования сотрудник полиции З. присутствовал на судебном заседании и выступил с устным заявлением. Суд также заслушал Н. и К. По-видимому, мировой судья задал З. и Н. пару вопросов.

17. Постановлением от 29 марта 2012 г. мировой судья признал заявителя виновным и назначил ему административное наказание в виде штрафа в размере 500 рублей (примерно 13 евро в рассматриваемое время). В постановлении указывалось следующее:

«Суд считает, что, находясь в нетрезвом состоянии, подсудимый нецензурно ругался в присутствии других людей и, таким образом, нарушил общественный порядок...»

Вина подсудимого подтверждается рапортом З. и показаниями Н. ...Использование нецензурной брани в общественном месте недопустимо и является мелким хулиганством... По мнению суда, использование нецензурной брани в общественном месте в присутствии хотя бы одного человека квалифицируется как административное правонарушение в соответствии со статьей 20.1 КоАП РФ. Кроме того, подсудимый продолжал использовать нецензурную брань во время своего задержания и во время доставки в отдел полиции...».

18. Заявитель обжаловал это постановление в Набережночелнинском городском суде Республики Татарстан. Он утверждал, *inter alia* <1>, что, хотя протокол об административном правонарушении ссылался на использование им нецензурной брани «в отношении прохожих», мировой судья сформулировал обвинение как использование нецензурной брани «в присутствии других людей». Судья не сохранил фразу из протокола об административном правонарушении, в котором было указано, что заявитель «[не изменил] свое поведение, несмотря на замечания прохожих».

<1> *Inter alia* (лат.) - в числе прочего, в частности (примеч. редактора).

19. 16 апреля 2012 г. городской суд провел заседание по делу заявителя. Неясно, было ли заседание от-

крытым. Суд второй инстанции заслушал заявителя и оставил в силе постановление мирового судьи от 29 марта 2012 г. В тот день решение по жалобе и постановление суда первой инстанции вступили в силу. Суд второй инстанции указал следующее:

«Мировой судья признал [заявителя] виновным в использовании нецензурной брани в присутствии других людей, что является нарушением общественно-порядка...»

Суд второй инстанции отклонил довод о том, что использование нецензурной брани в отношении одного лица не образует состава правонарушения. Хулиганство составляют действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие. Такие действия включают в себя использование нецензурной брани в общественном месте с оскорблением людей, уничтожением или повреждением чужого имущества... Каждое из этих действий может образовать состав хулиганства, если оно нарушает общественный порядок и выражает явное неуважение к обществу...

Определенные фактические противоречия между информацией в протоколе об административном правонарушении, рапортом З. и показаниями Н. (что касается использования нецензурной брани из-за недостатка воспитания, а не в отношении прохожих) были устранены в ходе судебного разбирательства после проведения допроса свидетелей...».

20. Заявитель направил заместителю председателя Верховного суда Республики Татарстан жалобу о проверке законности и обоснованности решений судов в порядке статьи 30.12 КоАП РФ. Проверив материалы дела, определением от 15 июня 2012 г. заместитель председателя Верховного суда Республики Татарстан оставил в силе решения судов от 29 марта и 16 апреля 2012 г.

21. Заявитель не направлял жалоб о проверке законности и обоснованности решений в Верховный Суд Российской Федерации.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛА И УЧАСТНИКИ ДЕЛА В СООТВЕТСТВИИ С КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

22. Статья 28.1 КоАП РФ предусматривает, что дела об административном правонарушении возбуждаются компетентным должностным лицом, таким как сотрудник полиции или прокурор.

23. Глава 25 КоАП РФ содержит нормы, касающиеся «участников производства по делам об административном правонарушении», а именно лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевшего, их представителей и адвокатов, свидетелей, понятых, специалистов и экспертов, переводчиков и прокуроров. Статья 25.11 КоАП РФ предоставляет прокурору полномочия возбуждать производство по делу об

административном правонарушении, участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении, представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать заключения по вопросам, возникающим во время рассмотрения дела, приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении, независимо от участия в деле.

24. Статья 30.1 КоАП РФ устанавливает, что лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевший, их представители и адвокаты имеют право на обжалование решения, вынесенного по делу об административном правонарушении. В 2010 году это право на обжалование было распространено на должностное лицо, которое составляло протокол об административном правонарушении (а позднее, в более общем смысле, на всех должностных лиц, уполномоченных составлять протокол об административном правонарушении).

25. Должностное лицо, которое составляло протокол об административном правонарушении, и должностное лицо/несудебный сотрудник, которое вынесло решение по делу, не относятся к «участникам» производства по делам об административном правонарушении по смыслу главы 25 КоАП РФ или к «участникам производства по делам об административном правонарушении, уполномоченным осуществлять обвинения» (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. N 1311-О и 1312-О <1>). Такие должностные лица занимаются сбором доказательств (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 г. N 2157-О <2>). Они не могут подавать промежуточные ходатайства, но могут быть вызваны на слушание дела для «дачи разъяснений» (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5, далее - Постановление Верховного Суда Российской Федерации N 5 <3>).

<1> Имеются в виду Определения Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лепина Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав рядом положений глав 25, 29 и 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чертовского Федора Федоровича на нарушение его конституционных прав статьями 22.3, 29.1, 29.4, 29.6 и 29.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» соответственно (примеч. редактора).

<2> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Астаховой Александры Юрьевны, Виноградова Дмитрия Валерьевича и других на нарушение их конституционных прав пунктами 2 и 4 части 1 статьи 29.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (примеч. редактора).

<3> Имеется в виду Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (примеч. редактора).

В. РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛА В СООТВЕТСТВИИ С КОДЕКСОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

26. Статья 26.2 КоАП РФ определяет «доказательства» по делу об административном правонарушении как любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными КоАП РФ, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, заключениями эксперта, показаниями потерпевшего, свидетелей. Протокол об административном правонарушении представляет собой процессуальный документ, фиксирующий фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения дела об административном правонарушении (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2011 г. N 89-О-О <4>).

<4> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «МИКМА» на нарушение конституционных прав и свобод положением части 2 статьи 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (примеч. редактора).

27. Статья 1.5 КоАП РФ устанавливает презумпцию невиновности. Вина в совершении административного правонарушения определяется судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 5).

28. Дела об административных правонарушениях подлежат открытому рассмотрению, за исключением случаев, когда это может привести к разглашению государственной, военной, коммерческой или иной охраняемой законом тайны, а равно в случаях, если этого требуют интересы обеспечения безопасности лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении, членов их семей, их близких, а также защиты чести и достоинства указанных лиц (статья 24.3 КоАП РФ).

29. Часть 1 статьи 25.1 КоАП РФ предусматривает, что любой человек, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении в соответствии с КоАП РФ, вправе знакомиться со всеми материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы и пользоваться юридической помощью защитника. Конституционный Суд Российской Федерации счел, что вышеуказанные гарантии пре-

доставляют соответствующему лицу возможность опровергать в судебном заседании сведения, содержащиеся в материалах дела, например, изложенные в протоколе об административном правонарушении, что обеспечивает реализацию права на судебную защиту в рамках административного судопроизводства, осуществляемого на основе принципа состязательности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2010 г. N 925-О-О <1>).

<1> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петринского Александра Александровича на нарушение его конституционных прав положением части 2 статьи 26.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (примеч. редактора).

30. В то время как в протоколе об административном правонарушении должна указываться статья КоАП РФ, по которой предъявлено обвинение, право окончательной юридической классификации правонарушения принадлежит суду. Если при рассмотрении дела об административном правонарушении будет установлено, что протокол об административном правонарушении содержит неправильную квалификацию совершенного правонарушения, то судья вправе переквалифицировать действия (бездействие) лица, привлекаемого к административной ответственности, на другую статью КоАП РФ, предусматривающую состав правонарушения, имеющий единый родовый объект посягательства, при условии, что переквалификация не ухудшит положение лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации N 5, пункт 20).

31. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства, которое основывается на принципах состязательности и равноправия сторон (части 1 и 2 статьи 118 и часть 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации). Вместе с тем Конституция Российской Федерации гарантирует рассмотрение на основе принципов состязательности и равноправия сторон только тех дел, которые отнесены к подсудности судов. Однако дела об административных правонарушениях рассматриваются не только судьями, но и органами, должностными лицами (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2013 г. N 630-О <2>). Вместе с тем лица, в отношении которых вынесено постановление по делу об административном правонарушении должностным лицом или органом, вправе обжаловать его в суд. При этом проверка законности и обоснованности таких постановлений осуществляется судом с соблюдением всех конституционных принципов и гарантий, основывается на принципах состязательности и равноправия сторон (ibid. <3>).

<2> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горячева Вячеслава Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 23.3, частью 2 статьи 28.6 и частью 1 статьи 28.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (примеч. редактора).

<3> Ibid. (лат. сокращение от *ibidem*) - там же (примеч. редактора).

32. Конституционный Суд Российской Федерации в отношении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указал, что возложение на суд обязанности в той или иной форме подменять деятельность органов и лиц по осуществлению функции обвинения не согласуется с требованием статьи 123 (части 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия (см. среди прочего Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. N 16-П <4>).

<4> Имеется в виду Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» (примеч. редактора).

33. Согласно статье 29.4 КоАП РФ при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении судья разрешает вопросы о вызове лиц, указанных в статьях 25.1 - 25.10 КоАП РФ (таких как свидетели и эксперты), об истребовании необходимых дополнительных материалов по делу, о назначении экспертизы. Судья также должен решить вопрос о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов дела в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае составления протокола и оформления других материалов дела либо неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела.

34. В силу статьи 30.6 КоАП РФ суд второй инстанции проверяет законность и обоснованность постановления, вынесенного судом первой инстанции. С этой целью суд проверяет имеющиеся в деле и дополнительно представленные материалы, заслушивает объяснения лица, в отношении которого вынесено постановление по делу об административном правонарушении, при необходимости заслушиваются показания других лиц, исследуются иные доказательства, осуществляются иные процессуальные действия в соответствии с КоАП РФ. Суд второй инстанции не связан доводами жалобы и проверяет дело в полном объеме.

35. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что для того, чтобы выполнить законодательное требование «полного и объективного» рассмотрения дела, судья имеет определенные законом полномочия заслушивать участников дела, изучать доказательства, а также «осуществлять иные необходимые процессуальные меры по проверке допустимости и достоверно-

сти доказательств, в частности путем вызова *proprio motu* <1> свидетелей, в том числе должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении или иной протокол по делу». Это направлено на дальнейшее исследование имеющихся доказательств (записи), а не на сбор новых доказательств. Вышеупомянутые власти не могут рассматриваться как несовместимые с судебной функцией и полностью соответствуют конституционному принципу состязательности в соответствии с КоАП России (см. Определения от 6 июля 2010 г. N 1086-О <2>, от 29 мая 2012 г. N 884-О <3>, от 23 апреля 2015 г. N 763-О <4>).

<1> *Proprio motu* (лат.) - буквально: «собственным движением»; по собственному побуждению, по своей инициативе (примеч. редактора).

<2> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ющенко Александра Валерьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части 2 статьи 30.6 КоАП Российской Федерации» (примеч. редактора).

<3> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кондакова Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав главой 25, пунктом 2 части 1 статьи 29.7, пунктами 2 и 8 части 2 статьи 30.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (примеч. редактора).

<4> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Викторова Геннадия Савельевича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 2 статьи 25.6, частью 1 статьи 29.2 и пунктом 1 части 2 статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (примеч. редактора).

36. Например, в Определении от 18 сентября 2014 г. N 1817-О Конституционный Суд Российской Федерации <5> поддержал конституционность статьи 26.9 КоАП РФ настолько, насколько она была истолкована как допускающая, чтобы «государственное должностное лицо», что также означает судью суда первой инстанции, поручило бы «должностному лицу» (что означает и судью) другого города опросить должностное лицо, которые собрало документы, относящиеся к делу об административном правонарушении. Запрошенный судья вправе уведомить об этом лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, который не лишен возможности принять участие в интервью.

<5> Имеется в виду Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагапова Марата Махмутовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 26.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (примеч. редактора).

Судья Арановский высказал особое мнение к вышеуказанному Определению. По его мнению, такое поручение об опросе составляет сбор доказательств, который должен являться функцией сторон по делу. Исключение допускается в гражданских и арбитражных судах в случаях, когда физическое или юридиче-

ское лицо оспаривает нормативно-правовой акт или бездействие со стороны государственного органа. В таких ситуациях некоторые посягательства на принцип состязательности являются приемлемыми, поскольку они связаны с защитой прав и свобод в отношении действий или бездействия государственного органа. Как правило, было бы сомнительно, что суду следует разрешить устранять дефекты или дополнять пробелы в действиях государственного органа по доказыванию вины лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Помощь суда в получении доказательств допустима только в ограниченном числе случаев, предусмотренных законом, а именно по просьбе одной из сторон, которая считается более слабой, как в спорах с государственными органами. В тех случаях, когда доказательств не существует или когда они были получены с нарушением действующих норм, КоАП РФ обязывает судью вернуть материалы дела в орган или должностному лицу, возбудившему производство. «Полное и объективное рассмотрение дела» не может считаться защищенной конституционной ценностью.

37. Недавняя оценка некоторых проблем, возникающих в судопроизводстве по КоАП РФ, содержится в отчете за 2014 год, составленном Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации (как она цитируется в Постановлении Европейского Суда по делу «Михайлова против Российской Федерации» (*Mikhaylova v. Russia*) (от 19 ноября 2015 г., жалоба N 46998/08 <1>, § 40).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. N 3 (примеч. редактора).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

38. Заявитель жаловался на то, что неучастие прокурора в деле в отношении него об административном правонарушении повлекло нарушение статьи 6 Конвенции, которая, в частности, гласит:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом...».

A. ПРИЕМЛЕМОСТЬ ЖАЛОБЫ

39. Власти Российской Федерации, во-первых, отметили, что заявителю не был причинен «значительный вред» (см. среди прочих примеров Решение Европейского Суда по делу «Гергюн против Турции» (*Gorgun v. Turkey*) от 16 сентября 2014 г., жалоба N 42978/06).

40. Заявитель утверждал, что, несмотря на небольшую сумму штрафа, наложенного на него, его дело

подняло важные вопросы, касающиеся системных недостатков во внутригосударственном законодательстве, влекущих нарушения требования беспристрастности, принципа равенства сторон и требования состязательности процесса.

41. Европейский Суд согласен с тем, что штраф, назначенный заявителю, был небольшим даже по внутригосударственным меркам. В то же время Европейский Суд замечает, что настоящее дело поднимает вопрос по КоАП РФ, касающийся неучастия прокурора в производстве по делу. Данный вопрос затрагивается и в ряде схожих жалоб против Российской Федерации, находящихся в производстве Европейского Суда. Отмечая характер вопроса, рассматриваемого в настоящем деле, который также, возможно, касается важного вопроса принципа, Европейский Суд не считает целесообразным отклонять настоящую жалобу со ссылкой на подпункт «b» пункта 3 статьи 35 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Берладир и другие против Российской Федерации» (Berladir and Others v. Russia) от 10 июля 2012 г., жалоба N 34202/06 <2> § 34, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Михайлова против Российской Федерации»), §§ 40 и 49).

<2> См.: там же. 2013. N 6 (примеч. редактора).

42. Во-вторых, власти Российской Федерации утверждали по существу, что уголовно-процессуальная составляющая статьи 6 Конвенции была неприменима в деле заявителя. Ему просто грозил штраф на сумму до 1 000 рублей или административный арест на 15 суток. Тяжесть таких санкций не сопоставима с тяжестью уголовных наказаний. Учитывая свою предшествовавшую прецедентную практику об административных правонарушениях, наказываемых административным арестом (см. среди прочих примеров по данному вопросу Постановление Европейского Суда по делу «Малофеева против Российской Федерации» (Malofeyeva v. Russia) от 30 мая 2013 г., жалоба N 36673/04 <3>, §§ 99 - 100, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Михайлова против Российской Федерации»), Европейский Суд считает, что уголовно-процессуальная составляющая статьи 6 Конвенции в настоящем деле применима.

<3> См.: там же. 2014. N 2 (примеч. редактора).

43. Власти Российской Федерации не указывали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, потому Европейский Суд не имеет оснований считать иначе.

44. Наконец, Европейский Суд отмечает, что эта жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «a» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(a) Доводы властей Российской Федерации

45. Власти Российской Федерации утверждали, что прокурор имеет полномочие возбуждать производство об административном правонарушении, принимать участие в этом производстве и обжаловать принимаемые решения. Власти Российской Федерации признали, что КоАП РФ не предусматривает обязательного участия прокурора в каждом деле об административном правонарушении. Однако настоящее дело отличалось от ситуации, рассмотренной Европейским Судом в деле «Озеров против Российской Федерации» (Ozerov v. Russia) (Постановление от 18 мая 2010 г., жалоба N 64962/01 <4>, §§ 47 - 58), которое касалось неучастия прокурора в конкретном заседании суда по уголовному делу, в котором заявителю было предъявлено обвинение, могущее вылиться в наказание к лишению свободы на длительный срок. В отличие от уголовного наказания заявителю в настоящем деле грозил лишь штраф на сумму до 1 000 рублей или административный арест на 15 суток.

<4> См.: там же. 2010. N 11 (примеч. редактора).

46. Государственное должностное лицо или орган, который возбудил административное дело путем составления протокола об административном правонарушении, отвечал за «обнаружение и классификацию» доказательств против лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Хотя такое государственное должностное лицо не является участником дела, суд может вызвать его для допроса. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, имеет возможность опровергать сведения, содержащиеся в протоколе об административном правонарушении и других документах, что достаточно для соблюдения принципа состязательности процесса.

47. Что касается требования беспристрастности в контексте неучастия органа обвинительной власти в заседании суда, то власти Российской Федерации утверждали, что при вынесении постановления судья сузил фактические обстоятельства, вменявшиеся заявителю, поскольку они были доказаны на основе имевшихся доказательств.

48. Ссылаясь на статью 29.4 КоАП РФ, власти Российской Федерации государство-ответчик отмечали, что суд был вправе принять решение, *inter alia*, в ответ на ходатайство лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении с требованием обеспечить присутствие прокурора, свидетелей или других лиц, и было необходимо требовать предоставления определенных документов или назначать экспертизу (см. § 33 настоящего Постановления).

(b) Доводы заявителя

49. Заявитель утверждал, что в отсутствие на суде какого-либо органа обвинительной власти или должностного лица обвинения бремя доказывания обвинения лежит исключительно на судье, который не имеет иного выбора, кроме как искать, *proprio motu*, аргументы, опровергающие доводы заявителя. Это не могло не нарушить баланс при оценке доказательств. Роль сотрудника полиции З. на суде не являлась ролью должностного лица, уполномоченного доказывать вину заявителя в совершении административного правонарушения. То же самое происходило при рассмотрении жалобы заявителя в суде второй инстанции, на котором не было даже сотрудника полиции З. Кроме того, беспристрастность судьи была подорвана тем фактом, что он изменил обвинения против заявителя по сравнению с теми, которые указывались в протоколе об административном правонарушении. В ходе слушания дела заявитель не был проинформирован о возможности того, что судья в итоге переформулирует обвинение, а именно путем вменения ему фактически других деяний. Если бы заявитель знал, что такое произойдет, то он выбрал бы другую линию защиты.

50. В отношении равноправия сторон и состязательности процесса заявитель указал, что чрезвычайно важная черта состязательного процесса состоит в том, что на суде присутствует прокурор (государственный орган и, возможно, потерпевшие от правонарушения). Возбуждая уголовное преследование, прокурор формулирует обвинения и доказывает их в суде. Таким образом, недопустимо наделять судью функциями органа обвинительной власти. Процессуальная роль должностного лица, которое составляло административный протокол, не может быть приравнена к роли органа обвинительной власти.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Общие принципы, касающиеся беспристрастности

(i) Общие положения

51. Европейский Суд вновь подтверждает, что беспристрастность обычно означает отсутствие предубеждения или предвзятости и что ее наличие или отсутствие могут быть проверены различными способами. Существование (бес)пристрастности для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции должно определяться в соответствии с субъективным критерием в тех случаях, когда должны учитываться личные убеждения и поведение конкретного судьи, то есть были ли у судьи какие-либо личные предубеждения или предвзятость в конкретном деле, а также на основании данных объективного теста, то есть путем установления того, что сам суд, в частности, его состав в достаточной мере гарантирует исключение любого обоснованного сомнения в отношении беспристрастности (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Киприану против Кипра» (*Kyprianou v. Cyprus*), жалоба N 73797/01, § 118, ECHR 2005-XIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты» (*Micallef v. Malta*),

жалоба N 17056/06, § 93, ECHR 2009, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» (*Morice v. France*), жалоба N 29369/10 <1>, §§ 73 - 78, ECHR 2015). Что касается объективного критерия, то необходимо определить, имеются ли, совершенно независимо от поведения судьи, поддающиеся установлению факты, которые могут вызвать сомнения в его беспристрастности. Это означает, что при принятии решения в конкретном случае имеются законные основания подозревать, что конкретному судье или органу, действующему как судья, не хватает беспристрастности, при этом позиция заинтересованного лица является важным, но не решающим фактором. Решающим является вопрос о том, может ли это подозрение быть признано объективно оправданным (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты», § 96).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. N 10 (примеч. редактора).

52. Европейский Суд ранее считал, что внешние признаки могут иметь значение в судебном разбирательстве, например, для оценки соблюдения требования объективной беспристрастности или ради сохранения доверия, которое судьи в демократическом обществе должны внушать обществу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лендон, Очаковски-Лоренс и Жюли против Франции» (*London, Otchakovsky-Laurens and July v. France*), жалобы N 21279/02 и 36448/02), § 77, ECHR 2007-IV, Постановление Европейского Суда по делу «Сара Линд Эггертсдоттир против Исландии» (*Sara Lind Eggertsdottir v. Iceland*), жалоба N 31930/04, § 42, ECHR 2007-VIII, и Постановление Европейского Суда по делу «Королев против Российской Федерации (N 2)» (*Korolev v. Russia*) (N 2) от 1 апреля 2010 г., жалоба N 5447/03 <1>, § 32). При такой оценке акценты должны быть сделаны на правомерности основания подозревать, что конкретный судья не является беспристрастным, и на том, это опасение может быть признано объективно оправданным (*ibid.*). В контексте принципа равноправия сторон в деле «Стойменов против Македонии» (*Stoimenov v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*) от 5 апреля 2007 г., жалоба N 17995/02, §§ 40 - 42) Европейский Суд также ссылаясь на «внешние признаки», когда делал вывод о том, что заключение, представленное Бюро криминалистики, государственным органом, выглядело как обвинительные доказательства, используемые обвинением, и что отказ принять альтернативное экспертное заключение и лишение заявителя возможности обжаловать заключение Бюро в обстоятельствах дела являлись нарушением равноправия сторон в деле (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Шулепова против Российской Федерации» (*Shulepova v. Russia*) от 11 декабря 2008 г., жалоба N 34449/03 <2>, §§ 65 - 67).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. N 10 (примеч. редактора).

<2> См.: там же. 2008. N 9 (примеч. редактора).

(ii) Примеры дел

53. Европейский Суд рассмотрел ряд дел, в которых из-за неучастия прокурора в судебных заседаниях возникло подозрение в пристрастности.

54. В деле «Торгейр Торгейрсон против Исландии» (Thorgeir Thorgeirson v. Iceland) (Постановление от 25 июня 1992 г., §§ 46 - 54, Series A, N 239) Европейский Суд не нашел нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции, установив, что подозрения заявителя об отсутствии беспристрастности не были объективно оправданы. Хотя прокурор отсутствовал на некоторых заседаниях суда первой инстанции, суд не был призван проводить какое-либо расследование по существу уголовного дела и не принимал на себя никаких функций, которые мог выполнять прокурор, если бы он присутствовал на заседаниях суда. Действия судьи включали постановку вопросов, относящихся к существу обвинения, выдвинутого против заявителя (см. § 16).

55. В деле «Озеров против Российской Федерации» (упоминавшемся выше, § 52) прокурор отсутствовал в течение всего процесса. Обжалованные действия судьи включали оглашение обвинительного заключения, представленного в суд прокуратурой, вызов и допрос, по его собственной инициативе, свидетеля, давшего показания, уличающие заявителя, которые районный суд затем положил в основу своего приговора. Европейский Суд отметил, что доказательная база, которую районный суд положил в основу обвинительного приговора заявителю, была изменена, когда новые инкриминирующие доказательства были приняты судьей по собственной инициативе, и когда определенные доказательства, представленные прокуратурой, были изъяты в обоснование обвинений, содержащихся в обвинительном заключении. Кроме того, все это было сделано в отсутствие прокурора, который должен был сделать заявление о таких изменениях (§ 53). Европейский Суд заключил следующее:

«...54. Прокурор, если бы он присутствовал на заседании, в частности, участвовал бы в исследовании доказательств и давал бы объяснения. Его исключительная задача заключалась в поддержании обвинений, выдвинутых против заявителя, перед судом, либо в отказе от обвинения, если бы он пришел к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного заявителю обвинения... Подготовительная работа, которую он провел для судебного разбирательства в форме составления обвинительного заключения, несомненно важна. Но он был обязан поддерживать обвинения против заявителя или отказаться от обвинения в ходе устного разбирательства дела районным судом с учетом того, как развивалось судебное следствие, в результате которого, действительно, были внесены изменения в совокупность доказательств. Можно лишь предполагать, какой вариант действий выбрал бы прокурор, и как бы это повлияло на ход и результат разбирательства в отношении заявителя. Кроме того, это не имеет значения в настоящем деле. В настоящем деле имеет значение то обстоятельство, что районный суд, рассматривая дело по существу и осуждая заявителя в отсутствие прокурора, смешал роли обвинителя и судьи и тем самым

дал основания для законных сомнений в своей беспристрастности. Участие в заседании потерпевших не играло роли, поскольку дело рассматривалось в порядке публичного, а не частного обвинения».

56. Аналогичным образом в деле «Кривошапкин против Российской Федерации» (Krivoshapkin v. Russia) (Постановление Европейского Суда от 27 января 2011 г., жалоба N 42224/02 <1>, §§ 44 - 45) при рассмотрении судом уголовного дела судья в отсутствие прокурора, *inter alia*, допросил обвиняемых и свидетелей, которые присутствовали на заседании. Хотя заявитель не признал себя виновным, суд нашел его вину установленной на основании доказательств, рассмотренных подобным образом. При таких обстоятельствах Европейский Суд решил, что суд первой инстанции не обеспечил гарантии состязательности уголовного судопроизводства и смешал в себе функции прокурора и судьи: он взял на себя функцию обвинения, рассмотрел все вопросы, определил виновность заявителя и назначил ему наказание.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. N 12 (примеч. редактора).

57. В деле «Вех и Вех против Австрии» (Weh and Weh v. Austria) (Решение Европейского Суда от 4 июля 2002 г., жалоба N 38544/97) Европейский Суд рассматривал ситуацию, когда районное управление, административный внесудебный орган, сам вынес обжалуемое решение («постановление о наказании»), а затем взял на себя как участник судебного процесса функции органа обвинительной власти в Независимой административной коллегии. В этом контексте Европейский Суд сделал следующие выводы:

«...Европейский Суд далее еще раз подтверждает, что наделение функциями обвинения и наказания за незначительные правонарушения административные органы, которые сами не удовлетворяют требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции, как в настоящем деле районное управление, не противоречит Конвенции при условии, что заинтересованное лицо имеет возможность обратиться в суд, который действительно обеспечивает гарантии статьи 6 Конвенции, с просьбой о проверке законности любого решения, таким образом вынесенного против него...

Заявитель не утверждал, и в деле нет признаков этого, что какие-либо процессуальные права были возложены на органы обвинения, которые поставили бы его в более благоприятное положение, чем обвиняемого.

Однако жалоба заявителей на то, что Независимая административная коллегия проводила судебное заседание в отсутствие стороны обвинения, может поднять вопрос о беспристрастности Коллегии. В этой связи Европейский Суд напоминает, что он должен был изучить сопоставимую жалобу по делу «Торгейр Торгейрсон против Исландии», касающемуся уголовного дела за клевету, где некоторые заседания суда первой инстанции были проведены в отсутствие прокурора. Европейский Суд не усмотрел нарушения статьи 6 Конвенции на том основании, что на заседаниях, проведенных в отсутствие прокурора, суд не был призван рассматривать дело по существу, и тем более принять

на себя любую функцию, которую мог выполнять прокурор, если бы он присутствовал на заседаниях (Постановление от 25 июня 1992 г., Series A, N 239, p. 24, § 53).

В отличие от дела «Торгейр Торгейрсон против Исландии», которое касалось производства по уголовному делу, классифицированному так согласно законодательству страны в суде первой инстанции, настоящее дело касается производства по делу, которое классифицируется как административное по законодательству страны, и рассматривается административными органами по первой инстанции. Следовательно, Независимая административная коллегия, хотя и является первым судом, рассматривавшим дело, занимает место апелляционного суда во внутригосударственной системе. В этой связи Европейский Суд напоминает, что способ применения статьи 6 Конвенции в делах в апелляционных судах зависит от особенностей рассматриваемого по делу производства: необходимо учитывать совокупность процедур в правовой системе страны и роль судов апелляционной инстанции в нем... Европейский Суд отмечает, в частности, что апелляционное производство в Независимой административной коллегии следует правилам процедуры квазисудебного характера... В этом производстве административный орган обязан проводить официальные расследования в соответствии с условиями, установленными в Законе об административных правонарушениях. Он должен информировать обвиняемого обо всех собранных доказательствах и до вынесения постановления в части наказания, должен дать обвиняемому возможность представить доводы в свою защиту.

В настоящем деле, касающемся незначительных нарушений правил дорожного движения, заявители изложили свои позиции в возражении против предварительного постановления о наказании, им была предоставлена возможность представить доводы в свою защиту перед вынесением постановления о наказании и вновь направили аргументы в свою защиту в жалобе на постановление. С другой стороны, в постановлении о наказании, которое содержит обвинения при производстве в Независимой административной коллегии, изложены факты, которые районное управление сочло актуальными, а также их правовую оценку. Таким образом, перед Независимой административной коллегией изложили свои позиции обе стороны. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что процедура в коллегии не предусматривает устного выступления стороны обвинения с изложением обвинений. Далее, как отмечают власти государства-ответчика, Независимая административная коллегия обязана установить смягчающие обстоятельства, а также инкриминирующие обстоятельства по собственной инициативе. Эта обязанность существует независимо от того, присутствует в судебном заседании или нет административный орган, который вынес постановление о наказании. Наконец, в настоящем деле нет особых обстоятельств, которые указывали бы на то, что Независимая административная коллегия осуществляла какие-либо функции, которые могли быть выполнены представителем стороны обвинения, если бы он участвовал в судебном заседании.

В заключение Европейский Суд находит, что отсутствие представителя районного управления, то есть стороны обвинения на слушаниях в Независимой административной коллегии, не вызывает объективно обоснованных подозрений в отношении беспристрастности этого органа».

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(i) Объем дела

58. Заявитель утверждал, что неучастие прокурора в производстве по делу об административном правонарушении и более конкретный вопрос об отсутствии его представителя в судебных заседаниях могли поднять два взаимосвязанных, но различных юридических вопроса, связанных с (i) негативным влиянием на беспристрастность суда первой инстанции и суда второй инстанции, (ii) практической реализацией принципа равноправия сторон и состязательности процесса.

59. Как Европейский Суд уже указал, существует тесная связь между различными гарантиями и процессуальными обязанностями по статье 6 Конвенции и способом, которым они объединяются, чтобы дополнять друг друга в рамках конкретного дела в целях обеспечения принципа справедливости, являющегося основополагающим принципом. Таким образом, можно предположить, что отсутствие органа обвинительной власти и, следовательно, его неучастие в заседаниях судов первой и второй инстанций может иметь последствия в отношении того, каким образом обвинения и доказательства представляются и отстаиваются в суде, и наоборот.

(ii) Особенности внутригосударственной процедуры

60. Прежде, чем приступить к оценке конкретных жалоб заявителя, Европейский Суд, во-первых, находит целесообразным рассмотреть ряд особенностей, возникающих в делах об административном правонарушении, рассматриваемых судами общей юрисдикции в Российской Федерации.

61. Европейский Суд отмечает, что производство по делу в соответствии с КоАП РФ возбуждается несудебным органом (обычно, и как в настоящем деле, полицией). Европейский Суд также замечает, что КоАП РФ наделяет прокуроров широкими дискреционными полномочиями возбуждать производство об административном правонарушении, и в тех случаях, когда оно возбуждено, принимать в нем участие. Иными словами, КоАП РФ не требует от прокурора участия в судебном заседании и не придает каких-либо особых последствий факту неучастия прокурора в судебном заседании. Европейский Суд отклоняет довод властей Российской Федерации о том, что статья 29.4 КоАП РФ предоставляет суду первой инстанции возможность требовать присутствия прокурора. Эта норма содержит исчерпывающий перечень лиц, присутствие которых может потребоваться в судебном заседании

(см. § 33 настоящего Постановления), и в соответствующее время прокурор к ним не относился. Поскольку прокурор не участвовал в настоящем деле, Европейский Суд не считает необходимым делать какие-либо дальнейшие выводы, касающиеся роли прокурора.

62. Во-вторых, отмечается, что роль полиции состояла в составлении «протокола об административном правонарушении» и передаче его в суд. Нельзя сказать, что на данной стадии производства по делу полиция действовала в качестве «суда», переходящего к «предъявлению уголовного обвинения».

63. В материалах дела не указано, и Европейский Суд не находит, что процедура, приведшая к составлению протокола об административном правонарушении, содержала состязательный элемент, который позволил бы принять во внимание возражения или позицию стороны защиты.

64. Кроме того, нельзя сказать, что сотрудник полиции, отвечавший за составление протокола об административном правонарушении или связанных с этим протоколов (например, протокол задержания), рассматривался как сторона по делу. Отмечается, что сотрудник полиции не может подавать ходатайств в суд первой инстанции, что является неотъемлемым признаком справедливого судебного разбирательства, и вряд ли сотрудник полиции мог обжаловать постановление, вынесенное судом. Однако он мог быть вызван в суд для дачи разъяснений.

65. Таким образом, Европейский Суд считает, что сотрудник полиции не являлся «органом обвинительной власти» или «прокурором» в значении государственного должностного лица, роль которого состоит в том, чтобы противостоять лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в деле, возбужденном в силу КоАП РФ, и представлять и отстаивать в суде обвинение от имени государства. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что действительно прокурор не участвовал в деле, возбужденном в соответствии с КоАП РФ.

66. Европейский Суд напоминает, что протокол об административном правонарушении послужил основанием для рассмотрения дела судьей, когда впервые было предъявлено «обвинение». Для Европейского Суда имеет важнейшее значение вопрос о том, был или нет протокол об административном правонарушении аналогичен обвинительному заключению, по существу содержащему основные элементы «обвинения» и «характер и основания предъявленного обвинения» по смыслу пункта 1 и подпункта «а» пункта 3 статьи 6 Конвенции, и обосновал ли он их со ссылкой на имеющиеся доказательства. Европейский Суд принимает к сведению мнение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (см. § 37 настоящего Постановления), что протокол о правонарушении может быть или был использован как доказательство. Однако в настоящем деле текст постановления суда первой инстанции не раскрывает, что протокол об административном правонарушении как таковой рассматривается в качестве доказательства, призванного доказать виновность лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Европейский Суд признает, что содержащаяся в нем информация не могла рассматриваться в качестве доказательства, касающегося установления фактических элементов. Суд второй инстанции сослался на протокол об административном правонарушении как на устанавливающий «тот факт, что преступление имело место» (см. § 19 настоящего Постановления). Протокол о правонарушении сопровождался вспомогательными доказательствами (см. § 11 настоящего Постановления). Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, могло оспорить данные протокола об административном правонарушении по существу, с формальной или процессуальной точки зрения, в ходе рассмотрения дела судьей.

67. Наконец, для рассмотрения настоящего дела имеют некоторое значение следующие соображения. Европейский Суд отмечает, что проведение устного слушания дела предусмотрено КоАП РФ (см. § 28 настоящего Постановления), и в настоящем деле оно было проведено как в суде первой инстанции, так и суде второй инстанции. Учитывая установленную законом презумпцию в пользу проведения открытых судебных заседаний и при отсутствии соответствующей жалобы, Европейский Суд считает, что имели место открытые заседания суда на стадии рассмотрения дела в отношении заявителя в первой и второй инстанциях. В судебных заседаниях не участвовало какое-либо лицо, которое могло бы возразить заявителю (например, потерпевший от предполагаемого правонарушения). Европейский Суд также подчеркивает, что заявитель не признал себя виновным.

68. Принимая во внимание конкретную описанную выше процедуру и практические меры в деле заявителя, Европейский Суд далее рассмотрит вопрос о том, привело ли отсутствие на судебных заседаниях органа обвинительной власти к нарушению требований статьи 6 Конвенции в настоящем деле.

(iii) Соблюдение требования беспристрастности

69. Европейский Суд отмечает, что не утверждается и нет доказательств того, что судья суда первой инстанции или судья суда второй инстанции в деле заявителя не были беспристрастными. Таким образом, в настоящем деле не возникает каких-либо проблем, относящихся к субъективному критерию пристрастности.

70. Европейский Суд должен определить, вскрыли ли конкретные утверждения заявителя в совокупности с существующей процедурой рассмотрения дела законные сомнения в беспристрастности суда.

71. Прежде всего Европейский Суд подчеркивает, что вопрос о беспристрастности был поднят заявителем в контексте устных и публичных слушаний, состоявшихся по его делу.

72. Европейский Суд далее отмечает, что неучастие в деле прокурора повлияло на действие презумпции невиновности в ходе судебного разбирательства и, как следствие, на вопрос о беспристрастности суда и наоборот. Европейский Суд вновь повторяет в этой связи, что пункт 2 статьи 6 Конвенции гарантирует право

человека считается «невиновным, пока его виновность не будет установлена законным порядком». Презумпция невиновности будет нарушена в тех случаях, когда на практике или на основании действия закона (например, правовая презумпция) бремя доказывания перекладывается с обвинения на защиту (см. Постановление Европейского Суда по делу «Телфнер против Австрии» (*Telfner v. Austria*) от 20 марта 2001 г., жалоба N 33501/96, § 15).

73. Имеющаяся информация о содержании и применении соответствующих норм законодательства Российской Федерации не позволяет Европейскому Суду выяснить, каким образом презумпция невиновности и бремя доказывания применяются в делах об административных правонарушениях, рассматриваемых судами общей юрисдикции, включая и настоящее дело. При таких обстоятельствах Европейский Суд согласен с тем, что суд первой инстанции не имел альтернативы, кроме как взять на себя задачу предъявления и, что более важно, нести бремя поддержки, обвинения в ходе устного рассмотрения дела.

74. Кроме того, КоАП РФ предусматривает, что суд первой инстанции мог решить, следует ли требовать представления устных доказательств или документов или назначить экспертизу. Власти Российской Федерации указали, что эти решения могут быть приняты «*inter alia*, по просьбе лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении». Косвенно это может также означать, что такие решения могли быть приняты судом первой инстанции по собственной инициативе. Европейский Суд рассмотрел ряд конституционных решений, касающихся данного вопроса, и не находит их логическое обоснование убедительным в отношении поиска и сбора доказательств судом (см. §§ 33 - 36 настоящего Постановления).

75. Изучив имеющиеся материалы, соответствующие нормы внутригосударственного законодательства и судебную практику, Европейский Суд не убежден, что имелись достаточные гарантии, позволяющие исключить наличие законных сомнений относительно отрицательного воздействия процедуры на беспристрастность суда первой инстанции. Отмечая, что проблема беспристрастности в данном деле относится к контексту незначительного правонарушения, возникающая из-за существования самой конкретной процедуры, а не в силу какого-либо действия или бездействия в обстоятельствах дела, Европейский Суд считает, что беспристрастность не соответствует характеру и тяжести назначенного наказания или значения дела для лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

76. Европейский Суд полагает, что в тех случаях, когда устное слушание дела оценивается как благоприятный фактор (например, из-за того, что речь идет о возможном наказании в виде лишения свободы, как в настоящем деле) для судебного решения по «любому уголовному обвинению» лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и в тех случаях, когда, получив адекватную возможность присутствовать на судебном заседании, защита не отказалась от нее, то присутствие

на суде прокурора, как правило, необходимо, чтобы избежать законных сомнений, которые могут возникнуть в отношении беспристрастности суда (см. схожий подход в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Озеров против Российской Федерации», §§ 52 - 54).

77. В отличие от гражданских дел, в которых сторона может отказаться от возможности присутствовать на устном слушании, в уголовном или приравненном к нему деле ситуация может отличаться, так как, хотя судья и является главным блюстителем дела, обычно задача государственного органа по делу публичного обвинения состоит в том, чтобы изложить и обосновать уголовное обвинение с целью состязательного спора с другой стороной или с другими сторонами в деле.

78. Европейскому Суду остается решить, возник ли вопрос о беспристрастности также в ходе производства по жалобе в районном суде, и если нет, то устранило ли производство по жалобе недостатки, возникшие при рассмотрении дела заявителя в суде первой инстанции.

79. Европейский Суд отмечает, что производство по жалобе в суде второй инстанции было возбуждено заявителем. В то время должностное лицо, которое возбудило дело об административном правонарушении, не было уполномочено обжаловать постановление суда первой инстанции по делу об административном правонарушении, тогда как прокурор имел такое право вне зависимости от того, участвовал ли он в заседании суда первой инстанции (см. §§ 23 - 24 настоящего Постановления).

80. Представляется, что вышеупомянутое должностное лицо не представляло письменных доводов в суд второй инстанции, например, в ответ на жалобу заявителя. В действительности, по-видимому, должностное лицо, которое возбудило дело, не имело такого права. Суд второй инстанции не заслушивал каких-либо должностных лиц. Допросив заявителя, суд второй инстанции оставил в силе постановление суда первой инстанции. По мнению Европейского Суда, заявитель не подавал жалоб, по существу касающихся справедливости производства в суде второй инстанции как такового.

81. Можно утверждать, что проблема, связанная с неучастием в деле органа обвинительной власти, может отличаться от процедуры в суде второй инстанции, когда этот суд проверяет по просьбе лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, законность и обоснованность уже вынесенного постановления. Европейский Суд не исключает возможности, что после того, как по «обвинению» было вынесено решение в порядке, лишенном недостатков, рассмотренных выше, и лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, подает жалобу только по вопросам права, обвинение может быть воспринята как менее убедительная также и в том, что касается беспристрастности.

82. Европейский Суд отмечает в этой связи, что определенный законом объем производства по жало-

бе в соответствии с КоАП РФ был таким, чтобы предоставить суду второй инстанции возможность дать новую оценку имеющимся доказательствам, исследовать дополнительные доказательства и проверить дело в целом, будет ли или нет об этом проситься в жалобе (см. § 34 настоящего Постановления). Исходя из изложенного Европейский Суд считает, что, с точки зрения закона, суд второй инстанции имел право действовать способом, который мог бы устранить некоторые недостатки, негативно повлиявшие на справедливость производства по делу в суде первой инстанции (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Даллос против Венгрии» (Dallos v. Hungary), жалоба N 29082/95, §§ 50 - 53, ECHR 2001-II, и Постановление Европейского Суда по делу «Абрамян против Российской Федерации» (Abramyan v. Russia) от 9 октября 2008 г., жалоба N 10709/02 <1>, §§ 37 - 38).

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. N 8 (примеч. редактора).

83. В то же время, учитывая широкий установленный законом объем проверки дела по жалобе, требование беспристрастности должно также соблюдаться и в апелляционном производстве по жалобе. Следовательно, Европейский Суд приходит к выводу, что неучастие прокурора в производстве по жалобе в суде второй инстанции являлось слишком серьезным недостатком. Таким образом, производство по жалобе в суде второй инстанции не устранило вопрос о беспристрастности, возникший при рассмотрении дела в суде первой инстанции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Куббер против Бельгии» (De Cubber v. Belgium) от 26 октября 1984 г., § 33, Series A, N 86, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Киприану против Кипра» (Kyprianou v. Cyprus), жалоба N 73797/01, § 134, ECHR 2005-XIII).

84. Таким образом, по делу властями Российской Федерации было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования беспристрастности.

85. С учетом вышеизложенного вывода Европейский Суд не считает необходимым рассматривать вопрос о том, было ли властями Российской Федерации допущено также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с принципом равноправия сторон и требованием состязательности процесса.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

86. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. УЩЕРБ

87. Заявитель требовал 7 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

88. Власти Российской Федерации считали данную сумму чрезмерной.

89. Европейский Суд присуждает заявителю 2 500 евро в качестве компенсации морального вреда плюс сумму любых налогов, которые заявитель, возможно, должен будет уплатить с этой суммы.

В. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

90. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 46 КОНВЕНЦИИ

91. Статья 46 Конвенции предусматривает:

«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением».

92. Европейский Суд вновь подтверждает, что согласно статье 46 Конвенции Договаривающиеся Стороны обязались исполнять окончательные постановления Европейского Суда по делам, в которых они являются сторонами, при этом надзор за исполнением осуществляется Комитетом министров Совета Европы. Отсюда следует, *inter alia*, что постановление, в котором Европейский Суд признает нарушение Конвенции или Протоколов к ней, налагает на власти государства-ответчика обязательство не только выплатить заинтересованным лицам суммы, присужденные в порядке выплаты справедливой компенсации, но также выбрать под контролем Комитета министров общие и (или), при необходимости, индивидуальные меры, подлежащие принятию в его законодательстве с тем, чтобы положить конец нарушению, установленному Европейским Судом, и загладить насколько возможно вред от его последствий.

93. Европейский Суд ранее рассматривал жалобы, касавшиеся дел об административном правонарушении в соответствии с законодательством Российской Федерации, и устанавливал нарушения статьи 6 Конвенции, в частности, в связи с требованием справедливости (см. Постановление Европейского Суда по делу «Менешева против Российской Федерации» (Menesheva v. Russia), жалоба N 59261/00 <1>, §§ 94 - 100, ECHR 2006-III, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Малофеева против Российской Федерации», §§ 97 - 120, Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации» (Kasparov and Others v. Russia)

от 3 октября 2013 г., жалоба N 21613/07 <2>, §§ 36 - 69, Постановление Европейского Суда по делу «Немцов против Российской Федерации» (Nemtsov v. Russia) от 31 июля 2014 г., жалоба N 1774/11 <3>, §§ 81 - 94, Постановление Европейского Суда по делу «Навальный и Яшин против Российской Федерации» (Navalnyy and Yashin v. Russia) от 4 декабря 2014 г., жалоба N 76204/11 <1>, §§ 76 - 85). Настоящее дело выявило нарушение статьи 6 Конвенции вследствие наличия законодательства и судебной практики по вопросу о неучастии прокурора в делах об административном правонарушении. Кроме того, отмечается, что сейчас в производстве Европейского Суда находится ряд жалоб, поднимающих схожие вопросы.

<1> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. N 11 (примеч. редактора).

<2> См.: там же. 2014. N 8 (примеч. редактора).

<3> См.: там же. 2015. N 4 (примеч. редактора).

<1> См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. N 1 (примеч. редактора).

94. В принципе в задачу Европейского Суда не входит определение возможных надлежащих мер возмещения вреда для их осуществления государством-ответчиком в соответствии со своими обязательствами согласно статье 46 Конвенции. Однако с целью помочь государству-ответчику выполнить свои обязательства по статье 46 Конвенции Европейский Суд может попытаться указать тип индивидуальных и (или) общих мер, которые могут быть приняты для того, чтобы положить конец ситуации, наличие которой он установил (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (Stanev v. Bulgaria) от 17 января 2012 г., жалоба N 36760/06, § 255, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скоппола против Италии (N 2)» (Scoppola v. Italy) (N 2), жалоба N 10249/03, § 148, ECHR 2009, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Брониовский против Польши» (Broniowski v. Poland), жалоба N 31443/96), § 194, ECHR 2004-V). Европейский Суд озабочен тем, чтобы оказать содействие быстрой и эффективной ликвидации дефекта во внутригосударственной системе защиты прав человека. В этой связи Европейский Суд считает, что, несомненно, необходимо принять меры общего характера на государственном уровне для исполнения настоящего Постановления (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дриза против Албании» (Driza v. Albania), жалоба N 33771/02, § 125, ECHR 2007-V (извлечения)).

А. ОБЩИЕ МЕРЫ

95. Ввиду установления факта нарушения статьи 6 Конвенции в настоящем деле Европейский Суд считает, что необходимо указать общие меры, необходимые для предотвращения других подобных нарушений в будущем. Он установил нарушение статьи 6 Конвенции ввиду неучастия прокурора в деле об администра-

тивном правонарушении, рассмотренном судами общей юрисдикции.

96. Таким образом, Европейский Суд считает, что государство-ответчик должно прежде всего принять соответствующие правовые и (или) иные меры, создать в своей правовой системе механизм, который обеспечивает достаточные гарантии обеспечения беспристрастности судов, рассматривающих подобные дела, путем включения органа обвинительной власти (представителя прокуратуры или другого государственного органа) в те процессы, в которых проводится устное слушание, или иными надлежащими мерами.

В. МЕРЫ ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗАЯВИТЕЛЮ

97. Европейский Суд еще раз подтверждает, что, когда заявитель был осужден, несмотря на нарушение его прав, гарантированных статьей 6 Конвенции, он должен, насколько это возможно, быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы требования этой нормы Конвенции не были нарушены, и что наиболее целесообразной формой возмещения вреда было бы в принципе новое рассмотрение дела, если будет представлено такое требование (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (Ocalan v. Turkey), жалоба N 46221/99, § 210, in fine <2>, ECHR 2005-IV, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сахновский против Российской Федерации» (Sakhnovskiy v. Russia) от 2 ноября 2010 г., жалоба N 21272/03 <3>, § 112).

<2> In fine (лат.) - в конце, в завершающей части (примеч. редактора).

<3> См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. N 9 (примеч. редактора).

98. Европейский Суд отмечает в этой связи, что в отличие от статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации КоАП РФ прямо не предусматривает возможность нового рассмотрения дела, если Европейский Суд признает нарушение Конвенции. В то же время имеющаяся у Европейского Суда информация не указывает, что заявитель подал жалобу о проверке дела согласно статье 30.12 КоАП РФ в Верховный Суд Российской Федерации. Видимо, это средство правовой защиты по-прежнему доступно заявителю и является, предположительно, способным служить цели нового рассмотрения дела.

99. По мнению Европейского Суда, вопрос о том, будет ли уместно и практически осуществимо повторно разрешить внутригосударственное дело, может быть с пользой рассмотрен государством-ответчиком при выборе под надзором Комитета министров Совета Европы мер, которые должны быть приняты в его правовой системе, чтобы положить конец нарушению, установленному Европейским Судом, и возместить, насколько это возможно, вред от негативных последствий такого нарушения.

На основании изложенного Суд единогласно:

1) объявил жалобу заявителя со ссылкой на пункт 1 статьи 6 Конвенции приемлемой для рассмотрения по существу;

2) постановил, что по делу имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования беспристрастности;

3) постановил, что отсутствует необходимость рассматривать вопрос о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с принципом равноправия сторон и требованием состязательности процесса;

4) постановил, что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю в качестве компенсации морального вреда 2 500 евро (две тысячи пятисот евро), подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, который будет установлен на день выплаты, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) отклонил оставшуюся часть требований заявителя о выплате справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 20 сентября 2016 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Председатель
Палаты Суда
ЛУИС ЛОПЕС ГЕРРА

Заместитель
Секретаря Секции Суда
ФАТОШ АРАДЖИ

Утверждено
Решением конференции адвокатов
Адвокатской палаты Красноярского края
27 января 2012 года
(в редакции конференции от 27.01.2017 г.)

**Постановление
по вопросам освобождения адвокатов от обязательных
отчислений на общие нужды Адвокатской палаты**

1. Адвокаты, избранные в органы Адвокатской палаты Красноярского края, обязаны производить обязательные отчисления на общие нужды Адвокатской палаты в полном объеме.

2. Разрешить Совету Адвокатской палаты по заявлению адвокатов, при наличии документального подтверждения нахождения на стационарном лечении в течение календарного месяца, в индивидуальном порядке освобождать от обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты.

3. Совету Адвокатской палаты принимать персональные решения:

- о снижении размера обязательных отчислений на общие нужды палаты адвокатам имеющим стаж работы в адвокатуре Красноярского края 35 лет и более на 500 рублей.

- об освобождении от обязательных отчислений на общие нужды палаты адвокатам, имеющим стаж работы в адвокатуре Красноярского края 50 лет и более.

4. Совету Адвокатской палаты освобождать от обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты адвокатов, внесенных в книгу почета адвокатов Красноярского края.

5. Освободить от уплаты обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты адвоката Ломакину Ирину Алексеевну и представителей Совета в отдаленных группах районов.

6. Совету Адвокатской палаты снижать размер обязательных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты за третий месяц членства в адвокатской палате на 29 000 рублей для адвокатов, являющихся детьми действующих членов Адвокатской палаты Красноярского края.

Утверждено
Конференцией адвокатов Адвокатской палаты
Красноярского края от 30 января 2009 г.
(в редакции конференции от 27.01.2017 г.)

Решение
об определении размера обязательных ежемесячных
отчислений на общие нужды Адвокатской палаты

Определить следующий размер обязательных ежемесячных отчислений на общие нужды Адвокатской палаты с 1 февраля 2017 года:

1. Адвокатам, проживающим, либо осуществляющим адвокатскую деятельность в Норильском промышленном районе и Таймырском муниципальном районе в сумме 1 300 рублей.

2. Адвокатам (кроме адвокатов, проживающих, либо осуществляющих адвокатскую деятельность в Норильском промышленном районе и Таймырском муниципальном районе) в сумме 1 050 рублей.

Адвокатам, принятым в члены Адвокатской палаты Красноярского края после 1 февраля 2016 года:

- в первый месяц членства в адвокатской палате Красноярского края - в сумме 40 000 рублей в месяц,

- во второй и третий месяцы членства в адвокатской палате Красноярского края - в сумме 30 000 рублей в месяц,

- в дальнейшем по ставке, предусмотренной для действующих адвокатов согласно соответствующих категорий.

Адвокатам, возобновившим статус после 1 февраля 2009 года (кроме адвокатов, статус которых был приостановлен в связи с болезнью или рождением ребенка):

1. В первый месяц после возобновления статуса адвоката в сумме 10 000 рублей. В дальнейшем по ставке, предусмотренной для действующих адвокатов согласно соответствующих категорий.